

Элена Томсетт

**Закованные в броню.
Книга 2**

Закованные в броню

Элена Томсетт

Закованные в броню. Книга 2

«Автор»

2025

Томсетт Э.

Закованные в броню. Книга 2 / Э. Томсетт — «Автор»,
2025 — (Закованные в броню)

С момента исторической Грюнвальдской битвы 1410 года, в которой союзные славянские войска одержали сокрушительную победу над рыцарями крестоносцами германского Тевтонского Ордена, прошло более пяти лет, когда в Польше неожиданно появился европейский вельможа, герцог Монлери. Его приезд проливает свет на тайну бесследно исчезнувшего после победы при Грюнвальде князя Острожского.

© Томсетт Э., 2025

© Автор, 2025

Элена Томсетт

Закованные в броню. Книга 2

Анжуйский принц

Глава 1.

Венеция, Италия, 1416 г.

Последние блики уходящего летнего дня тихо таяли у горизонта. Солнце низко стояло над морем, и белоснежные чайки с громкими криками кружили над хрустальной водой. Подрумяненные алыми отблесками заката, плыли в голубой вышине кучерявые барашки облаков. Повинуясь капризной прихоти легкого, порывами налетавшего с моря ветерка, чуть волновалась безбрежная водяная гладь тихого пролива. По изумрудной зелени прибрежной полосы ступали гордые тонконогие кони, завезенные в этот край с другого конца света.

Пышная и пестрая кавалькада охотников возвращалась в Венецию. От разнообразия красок, переливающихся в последних лучах солнца, от обилия золота и драгоценностей, украсивших благородных сеньоров и дам, тихое сияние стояло в прозрачном воздухе. Среди безупречно одетых дам и кавалеров слышались острые шутки, смех, а один из итальянских вельмож, гордо гарцующий на превосходном арабском жеребце, даже франтовато взял невысокий естественный барьер в виде лежавшего у края дороги поваленного дерева, вызвав тем единодушные похвалы дам.

– Ах, какая прелесть! – с отвращением сказал седой, благообразного вида вельможа, отлично державшийся в дорогом седле, шитом бисерными галунами. – Вы только посмотрите на молодого Контарини! Он только что похоронил своего деда и уже сам торопится на тот свет!

Молодая женщина, ехавшая бок о бок со стариком, устало улыбнулась. Смесь досады и легкой грусти сквозила на ее тонком выразительном лице. Пепельно-русые локоны волос, забранных в высокую прическу, красиво контрастировали с серебристым шитьем амазонки, по цвету напоминавшим оттенок ее больших дымчато-серых глаз.

– Посмотрите, Диана, – меж тем не унимался ее спутник, граф де Риолли, снова указывая ей на того самого женского баловня, который взял барьер. – Держу пари, все его трюки делаются ради ваших прекрасных глаз!

– Ах, оставьте, Антоний! – молодая женщина с видимым неудовольствием задержала свой взор на длинных темных кудрях графа Энрике Контарини.

Поймав его, итальянец тут же вежливо приподнял шляпу. Графиня Диана Даванцатти с досадой отметила это и, нарочито оборотившись к нему спиной, взглянула на дорогу. Взгляд ее серых холодных глаз бегло пробежал по лицам кавалеров, отыскивая кого-то, пока не остановился на фигуре молодого всадника в черном, почти аскетичном по богатству камзоле, резко отличавшим его от разноцветного цветника одежд венецианской знати, который любезно разговаривал с пожилой матроной, чуть отставшей от остальных. Молодая женщина больше не обращала внимания на графа Контарини и потому не могла заметить как, проследив за направлением ее взгляда, граф пожал плечами и закатил глаза.

Увидев, что графиня приготовилась подстегнуть коня, намереваясь подъехать к привлекавшему ее внимание кавалеру, старый граф де Риолли нахмурился.

– Диана, – спустя секунду счел нужным сказать он. – Я не думаю, что вам стоит лишний раз афишировать ваши отношения с молодым герцогом Монлери! Вы обещали мне, что у вас с ним все кончено.

– Господи, Антонио, даже вы начинаете говорить мне гадости! – со вздохом отвечала ему графиня. – Не надо, поверьте, эта связь никогда не существовала, за исключением как в воображении наших дам. Герцог слишком увлечен фантазиями, чтобы обращать внимание на женщин из плоти и крови!

– Мне так не показалось, – скептически пробормотал граф де Риолли.

Молодая женщина промолчала, но, тем не менее, оставила намерение увидеться с молодым герцогом немедленно, ограничившись лишь пристальным взглядом в его сторону.

Герцог Монлери, имя которого не сходило с уст не только графини Даванцатти, но и всей Венеции, был высокий стройный молодой человек великолепного сложения, темноволосый, темноглазый, одетый в черный бархатный камзол, отделанный серебром. Белоснежная пена кружев ворота сорочки, выпущенная поверх камзола, подчеркивала красоту его обветренного смуглого от южного солнца лица с четкими, почти античными чертами. Вся Венеция знала, что несколько лет тому назад он сражался в рядах крестоносцев с языческой Литвой, был тяжело ранен в бою под Грюнвальдом, потерял память и, если бы не преданность его слуг и чудом сохранившийся семейный архив, то его тетка, по виду скорбная, как мадонна, герцогиня де Монсада, никогда бы больше не увидела своего дорогого племянника.

Графиня Диана упорно продолжала смотреть на молодого герцога, пока он, сумев по достоинству оценить ее настойчивость, не распрощался со своей дамой и не направился к графу де Риолли и, следовательно, к нетерпеливо поджидавшей его графине.

– Чем обязан вашему суровому взору, Диана? – насмешливо спросил он сразу же после того, как обменялся приветствиями с обоими из них.

– Мне кажется, вас ждет серьезная головомойка, – со своей неподражаемой старческой ехидцей сказал граф де Риолли. – Диана сегодня встала не с той ноги! Я, пожалуй, оставлю вас на время... Если ты совсем разойдешься, милая, то, пожалуйста, прошу тебя, не бросай его труп в кусты.

Тихонько подсмеиваясь, граф де Риолли осторожно, чтобы не слететь с седла, пришпорил свою спокойную лошадку и поехал вперед. Убедившись, что поблизости не осталось никого, кто бы мог подслушать их разговор, графиня порывисто вздохнула. Герцог спокойно ожидал, когда она заговорит и, судя по тому, что ни один мускул не дрогнул на его красивом лице, он был либо очень спокойным человеком, либо графиня угощала его долгими тирадами довольно часто.

– Говорят, вы снова собрались на войну, Жан-Луи! – наконец, не выдержала паузы графиня.

– В самом деле? Я и не знал об этом, – любезно отозвался молодой человек.

– Немедленно прекратите притворяться! – с гневом вскричала графиня. – Вы совсем не любите меня!

Герцог потрепал по холке своего буланого жеребца и, созерцая его золотистую ухоженную гриву, все так же вежливо ответил:

– Боже мой, не волнуйтесь так, милая графиня.

Молодая женщина устремила на него сверкавшие гневом холодные серые глаза.

– Ваше поведение возмутительно! Вы обращаетесь со мной, как с ребенком!

– Примите мои извинения, сеньора, – сейчас же отозвался герцог.

– И это все?!

Все негодование прекрасной графини досталось чудному каурому иноходцу, который закружился на месте от болезненного удара по носу кончиком сложенного вдвое хлыста.

– Диана, умоляю вас, пощадите ни в чем не повинное животное, – хладнокровно заметил герцог. – Кроме того, вы рискуете покалечить и себя.

– И это все, что вы можете мне сказать?! – снова возмутилась графиня.

– Для начала, я думаю, этого хватит, – спокойно отозвался герцог.

– А что? Будет и продолжение? – с сарказмом спросила графиня и, не дожидаясь ответа, с горечью добавила: – У вас нет сердца!

– Возможно, вы правы, Диана, – покачав головой, сказал молодой человек. – Но вспомните, вы помолвлены с графом де Риолли, а я потерял память. Ваши с графом отношения меня, признаться, мало волнуют, но пока ко мне не вернется память, боюсь, у меня не будет и сердца.

– Ах да, я совсем забыла о вашей романтической страсти! – воскликнула уязвленная графиня.

Герцог едва заметно нахмурил брови. Словно не замечая этого, графиня продолжала:

– Вся Венеция уже в курсе того, что вы ищете прекрасную молодую девушку с золотистыми волосами... этот ваш сон, сказку, мечту! Не знаю, что там еще... единственное воспоминание эпохи крестовых походов, не так ли?

– Очень остроумно, – согласился герцог. – По-вашему, это преступление?

Красочная кавалькада приблизилась к переправе, где, в ожидании возвращения охотников, уже стояло несколько десятков хитроумно украшенных больших и малых гондол. Широкий поток возвращавшихся с праздника вельмож рассеялся по берегу и разъединил графиню и герцога. Рядом с герцогом случайно оказался одинокий всадник, подъехавший к переправе одновременно с группой венецианцев. Он был с ног до головы укутан в темный плащ, походная шляпа с широкими полями полностью скрывала его лицо от докучливых взоров окружающих. Поравнявшись с герцогом, он скучающим взором путешественника, проехавшего долгий путь, скользнул по его лицу и внезапно взгляд его стал острым и пристальным. В свою очередь, герцог безразлично смотрел на него, не проявляя никаких признаков волнения.

Человек в темном плаще кашлянул, привлекая его внимание.

– Князь, – негромко сказал он герцогу, приподнимая шляпу, – вы не узнаете меня?

– Нет, – спокойно отвечал Монлери, внимательно посмотрев ему в лицо.

– Помилуйте! – вскричал незнакомец, совершенно теряя былую осторожность и уже не заботясь о своем инкогнито. – Я барон Дитгейм, особый и уполномоченный посол его светлости магистра Тевтонского Ордена Богородицы! Вспомните, князь, вы спасли мне жизнь в Литве!

– Вы ошибаетесь, сеньор, – вежливо, но твердо отвечал герцог. – Действительно, я воевал в Литве, но не имею чести вас знать.

Незнакомец в темном плаще был настолько обескуражен, что не нашелся, что сказать.

Воспользовавшись паузой, графиня Даванцатти, которая уже некоторое время с любопытством прислушивалась к их разговору, вновь завладела вниманием герцога Монлери.

– Жан-Луи, – быстро сказала она, оглядываясь на приближавшегося к ним с другой стороны графа де Риолли. – Я хотела бы встретиться с вами сегодня вечером.

Герцог спешил и, ведя коня в поводу, остановился рядом с еще находившейся верхом графиней. После того, как Диана Даванцатти с его помощью спустилась с высокого дамского седла и стала на землю, он спросил, подзывая гондольера:

– Вы хотите продолжить нашу содержательную беседу с вечером? Боюсь, вы не добьетесь от меня того, что хотите, Диана.

– Я подожду! – неожиданно сверкнула улыбкой графиня. – Дело в том, что Энрике Контарини просил меня передать вам приглашение на ужин. Он, кажется, хотел вам что-то показать. Я также включена в число гостей. Вы придете?

Герцог удивленно приподнял бровь.

– Энрике Контарини? Просил вас передать мне приглашение? Забавно. Ну что ж, если вы стали прислушиваться к тому, что говорит Энрике, и принимать его приглашения, я, пожалуй, соглашусь на вашу просьбу.

– Тогда сегодня вечером, у графа Контарини! – безапелляционно сказала графиня, усаживаясь в гондолу подоспевшего графа де Риолли. Герцог кивнул, и гондольер искусно вывел свою быстрю лодку в пролив.

Вдали, подернутый золотой дымкой, показался фасад дворца Дожей, а за ним уже купола утопающего в мраморной пене несравненного собора Сан Марко.

Вечером того же дня герцог Монлери с любезной улыбкой на устах появился в гостиной городского особняка графа Контарини, здания на канале, по праву считающегося одним из шедевров венецианского зодчества, построенного в готическом стиле, стены которого за несколько столетий потемнели от времени и от сырости окружавшей его воды, но все еще выглядели вполне величественно и даже в некоторой степени элегантно.

К его удивлению, молодой граф Энрике, его старинный приятель, оказался в гостиной его дома совершенно один. Заметив вопросительный взгляд герцога, Энрике Контарини сокрушенно развел руками:

– Если ты ищешь графиню, то, увы, ее увел жених, граф де Риолли.

– Боже мой, я даже и не мечтал о такой удаче! – с чувством отозвался герцог.

Энрике рассмеялся. Улыбка преобразила его немного бледное и длинноватое лицо с узким подбородком, смягчила тяжелые черты лица и зажгла мягкий мерцающий свет в настоящему прекрасных больших темных глазах, опущенных длинными ресницами.

– Ты хотел меня видеть? – спросил герцог, принимая из рук графа бокал с традиционным кьянти. Граф Контарини из принципа не держал у себя других сортов вина.

– Ты всегда желанный гость в моем доме.

– Тогда зачем ты послал ко мне эту женщину? – с шутливым возмущением вскричал герцог. – Она ведет себя как моя тетушка: сплошные замечания и поучения. Я не ожидал этого от тебя! Что там еще за тайны? Ты нашел сокровища эльфов или воскресил Елену Троянскую? Что еще могло заставить тебя подослать ко мне Диану Даванцатти?

Энрике Контарини мягко улыбнулся.

– Я хотел что-то показать тебе.

– Показать? – в голосе герцога появилась насмешка. – А ты не мог привезти это ко мне в дом? Поправь меня, если я ошибаюсь, но прошлый раз ты, без зазрения совести, сгрузил на пороге моего дома обломок почти половины античного храма пеласгов! Откуда же такая скромность теперь?

– Ну, извини, – развел руками смеющийся граф Энрике. – В компенсацию за прошлое, я и позвал тебя к себе. Ты не поверишь, что я нашел! Это подлинная жемчужина! Она напомнила мне о твоей прекрасной фантазии.

Герцог вздохнул и отхлебнул из бокала вина.

– Жемчужина? Фантазия? – обреченно повторил он вслед за графом Контарини. – Хорошо. Что это?

Молодой граф Контарини таинственно улыбнулся.

– Пойдем, Луи, я покажу тебе портрет, который я обнаружил, разбирая бумаги в кладовой деда. Какие только скелеты не сыпятся из старых фамильных шкафов! – философски добавил он, покачав головой.

Герцог Монлери пожал плечами и без возражений последовал за графом вглубь дома. Дойдя до порога своего кабинета, Контарини на секунду остановился.

– Самое время сказать: «Закрой глаза, мой друг!» и еще больше заинтриговать тебя, – с долей насмешки в голосе проговорил он, обернувшись к герцогу. – Но я буду милосерден. Входи, Монлери! И если после того, как ты увидишь портрет моей прабабки, на которую, кстати, как две капли воды похожа моя маленькая кухня, и не признаешь, что итальянки самые прекрасные женщины в мире, я вызову тебя на дуэль!

– Ты уже вызывал меня на дуэль, и не раз.

По-свойски отпихнув молодого графа от двери, герцог Монлери вошел в кабинет графа Контарини, в котором он бывал не раз еще при жизни старого графа, деда Энрике, и ошеломленно замер на пороге.

Прямо напротив двери, на полу, стоял, прислоненный к стене, большой портрет, сделанный неизвестным ему талантливым художником, судя по одежде, в прошлом веке. С портрета смотрела на него молодая, ослепительно красивая женщина, образ которой преследовал его во снах в течение последних пяти лет его жизни после ранения и последующей за этим потери памяти. Ее бледное овальное лицо было совершенно, синие глаза, казалось, смотрели прямо в его глаза, смотрели холодно и высокомерно. Длинные светло-золотистые волосы свободно вились по обеим сторонам лица и, подхваченные атласной лентой, ниспадали на плечи и сильно обнаженную в низком декольте грудь.

Не сознавая того, что он говорит и делает, изумленный герцог Монлери шагнул по направлению к портрету и из уст его непроизвольно слетело давно забытое и, в то же время, такое дорогое и знакомое имя:

– Эвелина!

Весьма довольный произведенным эффектом, граф Контарини вошел следом за ним в кабинет и деловито поправил его:

– Изабелла! Изабелла Контарини, моя внучатая тетка, кажется, так это называется.

– Эвелина! – повторил герцог, не отводя глаз от портрета.

– Уймись, Монлери. Я вижу, что ты уже оценил мой сюрприз.

Контарини прошел к вделанному в деревянную панель на стене бару, вытащил оттуда новую, непечатую бутылку крепкого итальянского кьянти из погребов покойного деда и, налив бокал, протянул его герцогу.

– Изабелла Контарини умерла почти пятьдесят лет тому назад, – проговорил он, вложив в руку все еще выглядевшего ошеломленным герцога бокал с вином. – Портрет был написан перед ее замужеством. Садись, герцог, и перестань смотреть на этот портрет как на икону!

– У твоей прабабки наверняка были дети, – сказал герцог, машинально принимая из его рук бокал с вином и без сил буквально падая в мягкое кресло возле массивного письменного стола хозяина кабинета. – В их числе и дочери. Я клянусь тебе, Энрике, я видел эту женщину! Это девушка из моих снов! Ты говоришь, он был написан перед ее замужеством? Она еще жива? И кто был ее муж?

Энрике Контарини довольно потер руки.

– В самую точку, Жан-Луи! Среди всего прочего я унаследовал и семейный архив деда. В нем есть свидетельства о заключении брака между девицей Изабеллой Контарини и, кем бы ты думал? Богатым судовладельцем из Великого Новгорода!

– Где, ради всех святых, это находится? – озадаченно спросил герцог.

Граф Контарини невозмутимо продолжал:

– Сам не знал. Но я навел справки и выяснил, что это одно из королевств Северной Руси, которое граничит с землями Тевтонского Ордена Богородицы, в том числе с некой Литвой.

– Литвой! – герцог вскочил с кресла и порывисто прошелся по кабинету. – Ну, конечно же, Литва! Я же говорил тебе, что я видел эту женщину! Может быть, это ее дочь?

– Скорее уж, внучка, – уточнил Контарини, наполняя вином свой бокал. – Ну, так вот, если ты дашь мне слово отказаться от Дианы Даванцатти, я открою тебе еще кое-что, что, несомненно, тебя заинтересует.

– Это шантаж? – поднял бровь герцог.

– Ну конечно! – широко улыбнулся Контарини. – Самый подлый шантаж. Должен же я взять реванш за то, что Диана явно предпочитает твое общество моему?

– За такой шантаж я тебе бы еще и приплатил, – проворчал герцог, вновь вызвав улыбку на лице молодого графа. – Согласен.

Он снова прошел к портрету, который тянул его к себе, словно магнитом. «Мне все равно жить или умереть, тупоголовый болван!» – внезапно прозвучал промелькнувший в его воспоминании ясный голос, заставив его вздрогнуть от неожиданности.

– Помнишь моего римского кузена Бартоломео? – услышал он словно откуда-то издалека голос графа Контарини.

– Разве мы с ним встречались? – удивился герцог, не отрывая взгляда от портрета.

– Он тоже воевал в Литве, даже прожил гостем Тевтонского Ордена несколько лет накануне того большого сражения, в котором участвовал ты, – пояснил ему граф Контарини, чрезвычайно довольный реакцией герцога на портрет.

– Ну и что с того?

– Бартоломео Контарини приехал на похороны моего деда, – продолжал граф Контарини, не обращая внимания на вопрос герцога. – И я пригласил его к себе сегодня вечером, так же, как и тебя. Он будет здесь с минуты на минуту. Правду говоря, мы разбирали бумаги деда с ним вдвоем. Он и откопал в пыли и паутине этот портрет.

Герцог отвел взгляд от изображения на портрете и внимательно взгляделся в лицо приятеля и спросил:

– Произошло нечто экстраординарное, надо полагать, если ты так драматично понизил голос и затаил дыхание? Твой римский кузен упал в обморок, увидев портрет?

– Бартоломео? – пренебрежительно фыркнул граф Энрике. – Ты смеешься? Он всего лишь упал на колени, облобызал портрет и все твердил, как попугай, то же самое имя, что и ты.

– Эвелина! – с нажимом повторил герцог.

– Я хочу поговорить с твоим замечательным кузеном, – тут же воскликнул он.

– Он будет здесь через минуту, – заметил граф Энрике, взглянув на часы. – Бартоломео и я лично знакомы с девушкой, похожей, словно две капли воды, на этот самый портрет. Это наша кузина из Польши, дочь знатного вельможи, приближенного короля Польши и Литвы.

– Я был знаком с ней в Литве! – снова повторил герцог словно заклинание. – Черт бы побрал эту проклятую битву! Нужно быть последним идиотом, чтобы потерять после ранения память! И ты хорош! Ты все время молчал об этом портрете и о своей кузине! Ты же знал, что я бредил об этой девушке последние пять лет моей жизни здесь, в Венеции!

– Мы нашли этот портрет всего несколько дней тому назад, – поднял руку, защищаясь, граф Энрике. – И я уж никак не мог связать твои видения с личностью моей маленькой кузины. Ты совсем ничего не помнил об этой девушке из твоих снов! Я полагал, что это кто-то из Пруссии или Европы. Кто же мог подумать, что все эти годы ты сох по нашей маленькой польской кузине!

– Как ее зовут? И откуда ты знаешь ее? – немедленно забросал его вопросами взволнованный герцог. – Насколько я помню, ты никогда не был в Польше! Ты даже не знаешь, где она находится!

Граф Энрике улыбнулся.

– Это правда, я никогда не был в Польше. Девушку действительно зовут Эвелин. Точнее, Эвелина Ставска. Десять лет назад она приехала с Бартоломео из Польши в Рим и прожила там почти два года, – с триумфом продолжил граф Энрике. – Ты мог встречать ее в Риме! В нашем доме!

Герцог некоторое время о чем-то размышлял, нахмутив темные брови.

– Исключено! – наконец, категорично произнес он. – Я прожил в Пруссии почти пятнадцать лет, никуда не выезжая! Меня привезли в Италию пять лет назад полумертвым от ран. Я даже этого не помню! Но я точно знаю, что я не мог быть в Риме в то время, когда я был в Пруссии.

Дверь кабинета графа Контарини без стука отворилась, и на пороге показался невысокого роста стройный молодой человек, темноволосый, смуглолицый, чем-то неуловимо похожий

на графа Энрике, когда тот был немного моложе. Он был одет в темный камзол, расшитый золотыми нитями и жемчугом, темные со штрипками штаны и туфли с пряжками, отделанными бриллиантовой пылью – последний крик моды нынешнего сезона в Риме.

– Добрый вечер, Энрике, – приветливо сказал он, сразу не обратив внимания на то, что его кузен находится в гостиной не один.

– Рад тебя видеть, Бартоломео, – отозвался граф Энрике, и, будучи внимательным хозяином, немедленно представил ему своего гостя: – Познакомься, это мой старинный друг из солнечной Тулузы, герцог Монлери.

Бартоломео Контарини с вежливой полуулыбкой на лице обернулся к гостю, взглянул на него и внезапно замер с протянутой вперед для рукопожатия рукой. Глаза его скользнули по лицу герцога и обратились к портрету, стоявшему на прежнем месте, прислоненном к стене.

– Князь Острожский? – в следующую минуту удивленно вымолвил он. – Глазам своим не верю! Вы в Италии? А где же Эвелина?

Герцог покачнулся и без сил снова рухнул в кресло.

Бартоломео Контарини изумленно посмотрел на него и с запинкой произнес, обращаясь к своему венецианскому кузену:

– Как ты сказал? Герцог Монлери?

Граф Энрике, также немало пораженный калейдоскопической быстротой, с которой разворачивались события, решил, что пришло время вмешаться:

– Мой друг, герцог Монлери, – внушительно сказал он, указывая Бартоломео Контарини на сидевшего в кресле, прикрыв глаза, бледного герцога, – воевал на стороне Тевтонского Ордена в Литве. Он был тяжело ранен во время той самой большой битвы, название которой я не помню, но в которой рыцари Христовы потерпели поражение, и затем, очнувшись, обнаружил, что потерял память.

В глазах растерянного графа Бартоломео Контарини забрезжило понимание.

– Так он ничего не помнит? – медленно спросил он, поглядев на герцога.

Герцог открыл глаза.

– Я помню то, что я герцог Монлери. Я знаю это. Как знают мои слуги и моя тетка.

Бартоломео Контарини задумчиво смотрел на него, словно оценивая степень его искренности.

– Я тоже помню, что в Мальборке вас звали князь Острожский, – мягко возразил он. – Вы были послом польского короля и его близким родственником.

– Час от часу не легче! – пробормотал герцог, откидываясь на спинку кресла. – Не мог же я раздвоиться, в самом деле!

Граф Энрике снова подошел к бару, налил всем вина, вложил один бокал в руку герцога, протянул второй кузену Бартоломео и предложил ему усаживаться. Тот без возражений сел в кресло рядом с камином, отпил подогретого с пряностями вина и снова посмотрел на герцога.

– Я уверен, что не ошибаюсь, – сказал он. – Такого человека как вы трудно спутать с кем-то другим. И потом, разве вы не помните, как спасли мне жизнь?

– О боже! – герцог с усмешкой взглянул на графа Энрике, замершего с бутылкой в руках у бара. – Это все ты накаркал, Энрике, с твоими вечными шуточками о скелетах, выпадающих из семейных шкафов!

– Я всего лишь имел в виду этот портрет, – возразил выглядевший не менее удивленным, чем он, граф Энрике, защищаясь.

– Портрет? – рассеянно переспросил граф Бартоломео Контарини, сосредоточенно размышляя о чем-то своем.

– Да, портрет.

Герцог испытывающе смотрел на итальянца. В полутьме кабинета его красивое лицо с темными искристыми глазами, бледное, словно высеченное из камня, показалось графу

неправдоподобно правильным и совершенным, словно лик статуи античного Аполлона, которую Бартоломео Контарини видел когда-то на развалинах Парфенона.

– Я уверен, что знаком с девушкой, очень похожей на ту, которая изображена на портрете, – услышал он голос герцога, который заставил его очнуться.

Бартоломео удивленно вскинул на него глаза.

– Не сомневаюсь, сеньор, – мягко подтвердил он, глядя в лицо герцога. – Ведь Эвелина Контарини, по отцу панна Ставска, моя польская кузина, является вашей женой.

Хрустальный бокал выпал из ослабевших пальцев графа Энрике Контарини и раскололся на тысячи осколков, брызнувших во все стороны.

– Черт побери! – только и сказал он. – Красавица Эвелин вышла замуж за Монлери? Вот это трюк! Она же никогда и слышать не хотела о замужестве!

Герцог Монлери застыл в кресле без движения, словно внезапно замороженный его словами, а потом медленно обернулся к графу Контарини и посмотрел прямо ему в глаза.

– Моей женой?! – охрипшим от волнения голосом переспросил он.

– Вы что же, не помните Эвелину? – удивился сеньор Бартоломео.

Герцог, уже в который раз за этот вечер, страдальчески прикрыл глаза.

– В том то и дело, что не помню, – пересохшими губами прошептал он. – Черт бы побрал этот крестовый поход! Я ничего не помню! Но я хочу вспомнить! Даже если для этого мне придется поехать в эту самую Литву!

– В Польшу, – подсказал Бартоломео Контарини, придвигая кресло поближе к камину. – Вам нужно ехать в Польшу, ваша светлость. Эвелина Острожская, ваша жена, живет в Польше. В вашем родовом замке, который называется, если мне не изменяет память, Остроленка.

– Черт возьми, так у тебя имеется имущество даже в этой далекой варварской стране? – изумился Энрике Контарине. – Да ты, кажется, богат, как Крез, мой бедный друг.

Герцог Монлери обернулся к нему с непередаваемым выражением на его бледном лице, которое заставило графа Энрике замолчать.

– Расскажите мне о ней, Бартоломео, – предложил герцог, переводя свой взгляд на младшего кузена Контарини. – Расскажите мне все, что вы знаете о ней. Возможно, это поможет мне вспомнить.

Бартоломео Контарини вздохнул, помедлил, а затем, вытянув в направлении камина ноги, начал говорить, сначала медленно и неохотно, а потом все быстрее и быстрее, невольно увлекаясь своими воспоминаниями.

В приемной дома герцога в Венеции, куда он добрался через несколько часов после начала памятного разговора с графом Контарини, его уже ждал человек в темном плаще, которого он встретил утром на переправе.

– Ваша светлость, – извиняющимся голосом начал было оправдываться мажордом, – этот сеньор был так настойчив! Он сказал, что вы пригласили его посетить вас сегодня вечером. Мы ничего не знали об этом и...

– Все в порядке, Лоренцо, – устало прервал его герцог. – Кажется, я действительно пригласил его, но забыл об этом. Хорошо, что вы проводили его в приемную. Надеюсь, ему не пришлось долго ждать?

– Всего четверть часа, князь, – ответил, возникая в дверях приемной, барон Дитгейм.

– Князь? Снова князь?

Лицо Дитгейма, и без того поврежденное длинным белесым, пересекавшим всю щеку шрамом, оставшимся после Грюнвальда, исказила гримаса.

– Поверьте, я не пришел бы к вам во второй раз, если бы не услышал в городе, что вы участвовали в крестовом походе на Литву, были ранены и потеряли память, – сказал он, и помедлив, добавил: – Меня зовут барон Дитгейм.

– И вы были знакомы со мной в Польше или в Литве? – обреченно проговорил герцог, окинув Дитгейма пристальным взглядом.

Барону на минуту показалось, что он вновь очутился в далеких диких лесах Литвы и сужившиеся от напряжения искривленные глаза князя Острожского снова испытывающе смотрели ему в лицо. Этот итальянский вельможа, потерявший память, был без сомнения тем самым легендарным литовским князем, за голову которого магистр Ордена обещал некогда чуть ли не исполнение всех желаний. Это был также тот самый человек, который некогда спас Дитгейму жизнь и которому он, следовательно, был обязан своим сегодняшним счастьем. Дитгейм решил.

Он открыто взглянул в лицо герцога и откровенно сказал:

– Почти шесть лет тому назад я неоднократно встречался с вами в Пруссии. Вы не крестоносец, сеньор. Вы племянник польского короля, его литовский родственник, князь Зигмунд Острожский.

Герцог некоторое время внимательно смотрел на Дитгейма, словно размышляя или пытаясь что-то припомнить, а затем вздохнул и покачал головой:

– Боюсь, я ничего этого не помню.

Посторонился, пропуская Дитгейма вперед в приемную, и расстроенным голосом пригласил:

– Проходите, барон.

Дитгейм послушно прошел вглубь приемной, уселся в предложенное ему кресло и с любопытством оглядел роскошно убранную залу великолепного дома-дворца герцога на побережье. «Я не мог ошибиться, – подумал он. – Этого человека называют и считают герцогом Монлери, он богат, знатен. Но он – князь Острожский! Его место не здесь». Вытянув ноги ближе к камину, ибо ночь в Венеции оказалась довольно прохладной, Дитгейм насутился под пристальным взглядом герцога, сосредоточился и, медленно подбирая слова, начал говорить:

– Последний раз я встречался с вами весной 1409 года в Жемайтии.

– Где это? – немедленно с интересом спросил герцог.

Дитгейм дико взглянул на него, но тут же опомнился и пояснил ему, терпеливо, словно ребенку:

– В Литве.

После чего продолжил свой рассказ:

– Мой отряд был специально послан магистром Тевтонского Ордена для того, чтобы ликвидировать чрезвычайно подвижное и опасное подразделение литовских войск, действующее у нас в тылу. Предводителем этого летучего отряда литовской конницы были вы, герцог, точнее, князь Острожский. К тому времени ваше имя уже было овеяно легендой. Вы были дерзки, удачливы и отважны. О ваших рейдах по тылам Ордена говорили и в Ордене, и в Литве. Польский король негодовал, но всегда защищал вас.

– Вы говорите обо мне в прошедшем времени? – воспользовавшись паузой, спросил герцог, слегка приподнимая бровь.

– Я говорю о князе Острожском.

Герцог, чуть заметно нахмурившись при звуках его ответа, коротко кивнул:

– Продолжайте.

– Вы застали мой отряд врасплох, а я был одним из самых молодых и подающих большие надежды военачальников Ордена! – продолжал Дитгейм. – Все мои рыцари пострадали в схватке, невредимыми остались только я и мальчишка-оруженосец. Неужели вы не помните, как, рискуя жизнью, вы отправились со мной в Мальборк спасти нашего друга Ротенбурга, который пострадал за свою честность? Вы можете гордиться им, он прославил свое имя при Грюнвальде!

– Судя по тому, сколько раз я рисковал своей жизнью, спасая других, странно, что я вообще живой и всего лишь потерял память, – пробормотал, словно про себя, герцог, качая головой, веря и не веря в открывающиеся перед ним все новые и новые подробности его прошлой, забытой, жизни.

– А этот мальчишка-оруженосец, вы помните его? – не сдавался Дитгейм, предпринимая еще одну попытку расшевелить этого надменного вельможу, возродив в нем прежнего князя Острожского. – Когда вы сняли с его головы шлем, он оказался прекрасной девушкой с длинными белокурыми волосами!

Поперек лба герцога залегла глубокая морщина. Дитгейм не мог видеть выражения его глаз, но по краске лихорадочного румянца, прихлынувшего к его бледным щекам, он понял, что молодой человек или вспомнил, или пытается вспомнить нечто, на его взгляд, чрезвычайно важное.

– Я, случайно, не женился потом на этой девушке? – наконец, глухо спросил он.

– Бог с вами! – Дитгейм даже рассмеялся от такого предположения. – Ваша жена – дочь знатного польского вельможи, Эвелина Ставская.

– Эвелина! – не удержался от восклицания герцог.

Он снова внимательно посмотрел на рыцаря, от чего Дитгейму на миг стало не по себе.

– Все знали, что вы очень любили свою жену, – помедлив, осторожно продолжал он. – Она была сказочно красива и до сих пор считается одной из самых красивых женщин страны. Вы были обручены с ней с малолетства, но никогда не встречались до свадьбы, и неохотно пошли на этот брак. Но король настаивал на этом браке, и вам пришлось подчиниться. Она, как говорят, была также не в восторге от предстоящего союза и в течение долгих лет скрывалась в Литве. И тогда, когда, по приказу короля, вы стали искать ее, чтобы доставить ко двору, вы немедленно влюбились в нее, а затем женились на ней, не раздумывая. Король был очень доволен. Он до сих пор трогательно заботится о вашей семье.

– Романтично, – буркнул герцог. – Я должен был это помнить! Вы говорите, семья?

– Да. У вас есть сын, – меланхолично добавил Дитгейм. – Он родился уже после вашей, извините, смерти при Грюнвальде.

Герцог с легким стоном откинулся на спинку кресла. Прикрыв рукой глаза, некоторое время неподвижно сидел в прежнем положении, а потом внезапно резко выпрямился и вскинул на Дитгейма блеснувшие непонятной тому горькой насмешкой глаза.

– А вы уверены, что не обознались, барон? – только и спросил он.

– Уверен! – твердо отвечал Дитгейм.

– Ну что ж, – герцог одним гибким движением поднялся на ноги. – Тогда действительно придется ехать в Литву. Жена и сын – это уже серьезно. Я должен вспомнить! Спасибо вам, барон.

Донна Лусия, герцогиня де Монсада, дородная черноволосая испанка средних лет, выглядевшая очень молодо и свежо для своего возраста, ворвалась в приемную дома герцога Монлери сразу же, как за Дитгеймом закрылась дверь.

– Боже мой, Луи, какая замечательная новость! – с порога закричала она. – Ты женат, у тебя есть сын!

– Тетушка, я ничего не помню, – предостерегающе сказал герцог, велел принести себе крепкого кофе.

– Ты не понимаешь! – продолжала экзальтированно жестикулировать испанка. – У тебя есть сын, наследник! Мы победили! Богатства твоего деда будут принадлежать нам, как и это должно было случиться по справедливости! Я немедленно пошлю курьера с этой новостью в Севилью! Твой дед должен узнать об этом от нас.

– Тетушка, вы понимаете, что Польша и Литва – огромные государства и найти мою семью там будет очень трудно? – постарался охладить ее пыл герцог, устало потерев пальцами переносицу.

– Ерунда! – вскричала донна Лусия. – Этот милый человек ясно сказал, что тебе покровительствовал польский король. Ты просто поедешь ко двору и спросишь у него, где они находятся. Зная твою воинственную и предприимчивую натуру, я уверена, что ты получил за службу какие-нибудь владения, следовательно, твоя семья может спокойно жить там. Боже мой, у меня есть законный внук!

– Я бы на вашем месте подождал радоваться, – вздохнул герцог, принимая из рук слуги тонкую фарфоровую чашечку с ароматным напитком. – Разве вы забыли, что этот барон именовал меня князем Острожским. Родственником польского короля.

– Ты и есть его родственник, – подумав, сказала испанка. – По отцу ты принадлежишь к французским Анжу, а, насколько мне известно, покойная польская королевы была дочерью Людовика Анжуйского, венгерского короля.

Кофе закончился очень быстро, но не принес желанного облегчения его уму, взволнованному открывавшемуся все новыми и новыми подробностями его жизни.

– Тетушка, ваше увлечение политикой в один прекрасный день сослужит вам плохую службу, – заметил он только для того, чтобы что-то сказать в ответ на вопрошающий взгляд герцогини.

– Что же здесь плохого? – удивилась донна Лусия. – Знание генеалогии очень сильно упрощает жизнь.

– Боже мой, вы говорите как Эвелина! – непроизвольно вырвалось у герцога.

– Правда? – донна Лусия с улыбкой смотрела на молодого человека. – Тогда, думаю, она мне понравится. К тому же, она, видимо, знатного рода, правда, принадлежит к этому варварскому племени. Твой барон упомянул, что она красива.

Герцог отставил пустую чашку на поднос, поставленный слугой на край изящного, орехового дерева столика, находившегося рядом с креслом и устало сказал:

– Она не только красива, она, по-видимому, из рода венецианских Контарини. По крайней мере, если Бартоломео Контарини не врет.

Донна Лусия широко раскрыла глаза.

– Вот это да! Венецианские Контарини? Это же великолепно! А причем тут малыш Бартоломео? Он же принадлежит к римской ветви?

– Он ее кузен, как и Энрике. Я тут не причем, это их слова.

– Боже, венецианские Контарини! – не могла опомниться от восторга донна Лусия. – Тогда девушка должна быть настоящей красавицей, как и ее бабка. Впрочем, их единственная кузина, Эвелин Контарини из Рима, тоже исключительно красивая девушка. Я встречалась с ней лет десять назад здесь, в Венеции, когда ты был в Пруссии. Она, как две капли воды, похожа на свою бабку! Ты что же, никогда не видел ее портрет у покойного графа Лодовико?

– Господи, что за ужасный день сегодня! – простонал герцог, поднимаясь на ноги, сжимая голову ладонями обеих рук. – Сначала Диана Даванцатти, затем Энрике со своими скелетами из фамильных шкафов, потом Бартоломео Контарини, этот расфранченный индюк, который знает о моей жене больше, чем я сам! Теперь еще вы, тетушка! Так вы знали об этом чертовом портрете?! Вы даже встречались с Эвелиной Контарини?! Тогда радуйтесь, моя жена похожа на свою бабку как две капли воды! Потому что она и есть эта самая польская кузина Энрике, Эвелина Контарини!

Он быстро прошел через приемную, с треском захлопнув за собой тяжелую массивную дубовую дверь, и, несмотря на громкие протесты донны Лусии, удалился на свою половину дома.

Оставшись один, герцог сжал пальцами виски и попытался сосредоточиться. То, что его соотечественник говорил правду, он не сомневался, ибо теперь, после беседы с ним, все его неясные, отрывочные, путанные воспоминания о прошлом внезапно обрели некую систему. Герцог не любил вспоминать о событиях в тот период, память о котором он потерял после тяжелого ранения, чуть не стоившего ему жизни, вероятно потому, что он очень мало помнил о них, и в такие мгновения чувствовал себя совершенно беспомощным. Разговор с Дитгеймом пробудил в его душе прежнюю, как в первые дни после того, как он пришел в себя пять лет назад, тянущую душу тоску, то самое ощущение, что он должен что-то вспомнить, и непременно вспомнит это, стоит только сосредоточиться... Но память не возвращалась.

Герцог сотню раз повторил про себя свое новое имя, надеясь, что звук его пробудит в памяти хоть крохотную искру сознания.

Бесполезно.

В сердцах, он рванул ворот камзола, задел едва зажившую, все еще беспокоившую его рану, полученную при Грюнвальде, и поморщился от боли. Еще некоторое время посидел на открытой веранде, всей грудью вдыхая влажный ночной воздух. С Большого канала тянуло сыростью. Слуги уже спали. Герцог закрыл окно, разделся и лег в постель. Долго не мог заснуть, а проснулся рано, с бешено колотящимся сердцем и все нарастающей тревогой в душе. Ночью он опять задел рану, видимо, острая боль разбудила его, но вместе с болью в сознании вспыхнуло видение склоненного над ним бледного, прекрасного, залитого слезами лица с казавшимися огромными синими глазами... Он почти физически ощутил на своей щеке и плече тяжесть прикосновения шелковистых густых волос.

Герцог резким движением сел на постели, стараясь как можно дольше сохранить и запомнить свои видения и ощущения. Едва переводя дыхание, облизал пересохшие губы и, рывками разрывая тонкий батист сорочки, безжалостно надавил на только недавно закрывшуюся старую рану. Морщась от боли, он снова увидел перед своим внутренним взором прекрасное женское лицо в обрамлении светлых вьющихся волос, а потом все внезапно пришло в движение: в ушах его раздался топот коней, свист ветра, брань, крики на незнакомом гортанном языке, затем замелькали всадники в рысьих шкурах и бархатных беретах, и наконец, возникло уже мужское волевое смуглое лицо с желтыми рысьими глазами. «Корибут!» – ударил в уши знакомый голос, в памяти тут же вспыхнуло другое лицо, одутловатое, нездорово бледное, но с яркими, живыми стального цвета глазами и глубокими морщинами возле рта. И снова голос: «Да, черт возьми, да! Она похожа, очень похожа на королеву, упокой господи ее душу!»...

Кровь сочилась из-под пальцев герцога, которыми он сжимал раскрывшуюся рану, стекла по руке почти до локтя, заливая нежную пену белоснежных кружев отделки сорочки. Герцог не замечал этого. Сжав зубы от боли, он смотрел прямо перед собой широко открытыми глазами и жадно листал страницы неожиданно воскресшего прошлого. В эти минуты он был почти счастлив.

Утром в особняк герцога Монлери пожаловал новый гость.

–Простите меня, ради бога, ваша светлость! – молодая жена графа-поэта Гвидо Кавальканте, урожденная Изабелла Контарини, коршуном налетела на герцога рано утром следующего дня, когда он едва успел выйти в приемную своего дома из столовой, где он наслаждался чашкой горячего травяного чая.

Его покой был нарушен шумом открываемой входной двери и возбужденным голосом молодой женщины, которую он глубоко уважал за то, что она в короткий срок сумела сделать из его ветреного друга, поэта и дуэлянта, примерного семьянина.

В слудующую секунду молодая миловидная темноволосая женщина стремительно вошла в приемную, на ходу стаскивая с рук кружевные перчатки.

– Монлери! – прямо с порога воскликнула она. – Я услышала в городе потрясающую новость и не могла не увидеть вас! Эвелина Контарини ваша жена, Монлери? Это правда?

Герцог вздохнул и предложил ей присесть. Слуга подхватил впопыхах сброшенную графиней шляпку и перчатки и безмолвно удалился. По знаку герцога, уходя, он проттно закрыл за собой дверь приемной залы.

– Надо полагать, вы тоже знакомы с ней, Изабелла? – спросил герцог, дождавшись, пока графиня немного отдышится от быстрого передвижения в обуревавшем ее возбуждения.

– Да! – пылко вскричала молодая женщина. – Я познакомилась с Эвелиной Ставска десять лет назад в доме своего отца в Риме, когда я была еще совсем малышкой. Она с Бартоломео только что приехала в Рим, и весь город просто с ума сошел, увидев, как она прекрасна! К ней сватались все дееспособные мужчины, даже мой отец и Гвидо, которому тогда было двадцать пять. Она была так добра ко мне! Отец даже разрешил мне поехать вместе с ней в Венецию летом 1407 года. Это было самое счастливое время моего детства! Она звала меня Беллой, она любила и баловала меня, как свою собственную дочь, меня, которая не помнила своей матери, а мой отец, – Изабелла запнулась, безнадежно махнула рукой и добавила: – Вы сами знаете, что представляет из себя мой отец, не правда ли, Монлери?

– Что же вы хотите от меня, Изабелла? – после наступившей паузы, спросил герцог.

Изабелла Кавальканти устремила на него полный надежды взгляд своих больших выразительных темных глаз.

– Вы привезете ее в Венецию, Монлери? – быстро проговорила она, и тут же порывисто продолжила, словно боясь, что герцог захочет перебить или отговорить ее от того, что она ему предлагала. – Боже мой, это будет таким счастьем! Я так рада, что она все-таки выбрала вас, а не того польского принца!

– Польского принца? – насторожился герцог, внимательно взглянув на нее и уже серьезно отнесясь к ее сначала показавшемуся ему бессвязному лепету.

– Ну да, польского принца, который сватался к ней в Пруссии и с которым ее заставили обручиться, – тут же закивала Изабелла, обрадованная тем, что герцог воспринимает ее всерьез. – Она рассказывала мне о нем, и каждый раз при этом у нее были грустные глаза.

– Грустные глаза? – герцог потер гладко выбритый подбородок. – Что она еще вам рассказывала, Изабелла?

– Вы ревнуете, Монлери? – рассмеялась молодая женщина, посмотрев на серьезное выражение, появившееся на лице герцога, но тут же, сконфуженная из-за серьезного выражения, отразившегося на его лице, снова быстро заговорила: – Она называла мне имя, но я его не помню. Помню только, что они сговорились с Бартоломео и, разыграв целое представление о ее мнимой смерти от холеры, удрали от этого сватовства из Пруссии в Италию. Мне всегда почему то казалось, что она жалела об этом.

Изабелла на минуту замолкла, а потом с прежним мечтательно-экспрессивным выражением вскричала:

– Боже мой, после всех этих лет, я, может быть, снова увижу прекрасную Эвелин! Единственную женщину, которую я уважала и боготворила! Вы настоящий счастливчик, Монлери!

Герцог внимательно смотрел на взволнованную молодую женщину.

– Изабелла, – наконец, сказал он. – Вы заставляете меня по-настоящему волноваться. Если бы эти экзальтированные высказывания исходили из уст кого-либо другого, я бы просто закрыл на это глаза. У вас же, той, которую я считаю необычайно умной молодой женщиной, и к тому же, моим другом, я хочу спросить, что вы имеете в виду?!

– Лишь то, что я сказала! Вы настоящий счастливчик, Монлери! – почти легкомысленно заявила в ответ графиня Кавальканти. – Эвелин из рода венецианских Контарини – женщина, которую невозможно забыть!

– Звучит скорее, как проклятие, чем благословение! – пробормотал герцог.

В его памяти внезапно возникла картина огромной залы со стрельчатыми окнами, весьма необычной конструкции, пятиугольной по форме, с круглым столом, расположенном посередине. За столом сидят пять рыцарей-монахов, суровых, в воинском облачении и в белых плащах с черными крестами на них. Перед ними, в лучах утреннего солнечного света стоит прекрасная девушка в белом платье – Эвелина Валленрод! Он едва не произнес это имя вслух. Эвелина Валленрод? Что все это могло значить?! Ему называли совсем другое имя. Она ... замужем? Не может быть!

Изабелла Кавальканти внимательно посмотрела на внезапно изменившегося в лице герцога.

– Что с вами, Монлери? – осторожно спросила она его. – Вы начинаете вспоминать?

– Да, – медленно произнес герцог, гоня от себя тяжелые подозрения и грустные мысли. – Что-то определенно начинает проясняться в моей памяти, но, к сожалению, эти воспоминания совершенно сбивают меня с толку. Надо полагать, ваш муж, Гвидо, приехал в Венецию из Флоренции вместе с вами?

– О да, конечно, – рассеянно ответила Изабелла, видимо, продолжая вспоминать забываемую кузину братьев Котарини.

– И где же вы остановились?

– Конечно же, у Энрике Контарини! – Изабелла стряхнула с себя задумчивость и снова ринулась в бой. – Мы приехали вместе с моим римским кузеном Бартоломео. Кстати, когда он узнал, что я собираюсь к вам сегодня, он попросил меня передать вам, что в замке Мальборк Эвелина жила в доме своего дяди, комтура Валленрода. Возможно, поэтому вы можете вспомнить ее под именем Эвелины Валленрод.

Изабелла закончила и с сомнением взглянула на герцога.

– Надеюсь, эта информация как-то помогла вам, Монлери? Мне она кажется полным вздором. Судя по всему, в Польше у Эвелины была очень насыщенная жизнь.

Прикрыв рукой глаза, герцог пытался слушать, что говорила Изабелла, в то время как в памяти его мелькали картины пикника возле старого охотничьего домика в лесу, белое платье девушки с распущенными волосами, придерживаемыми тонким золотым обручем. Вот она останавливается и с улыбкой протягивает ему руку .... Эвелина Валленрод! Затем – темно-вишневое платье с пеной белоснежных кружев, ее откинута назад голова, полузакрытые глаза, волосы, светлым водопадом обрушившиеся на его плечи и руки, сжимающие ее в объятьях. Он словно снова почувствовал легкий запах лавандовой воды, исходящий от ее волос, вкус ее губ, сладость ее дыхания, сводящие его с ума... Затем в его памяти снова прозвучали ее холодные слова, сказанные с таким леденящим душу презрением, что ему захотелось заткнуть уши: «Мне все равно, жить или умереть! Вы понимаете это, самодовольный болван?!» Белая Роза Ордена, фройляйн Эвелина Валленрод!

– Монлери!

Он опомнился только после того, как ощутил, что Изабелла трясет его за плечо.

– С вами все в порядке, Жан-Луи?

От волнения Изабелла назвала его по имени, чего всегда избегала делать, потому что считала его необычайно привлекательным молодым человеком, принадлежащим, к тому же, к двум могущественным ветвям Анжуйского королевского дома.

– Да, конечно, Изабелла.

Герцог сделал вид, что не заметил ее оговорки.

Он уже хотел было предложить Изабелле выйти на воздух, на мощенную камнем площадку перед домом, окруженную каменной балюстрадой и увитую розами, как внезапная вспышка воспоминаний снова поразила его. На этот раз он увидел лицо еще не старой и прекрасно сохранившейся женщины лет сорока, встревоженное и напряженное, и в то же время словно почувствовал, как к губам его прижимается край стеклянного сосуда с горьковатой

тягучей жидкостью. «Пей, Львенок, все будет хорошо, – зазвучал в его ушах знакомый голос, принадлежащий этой женщине. – Королева была права, поляки действительно выиграли эту битву. Ты свободен. Спи!»

Изабелла Кавальканти с жалостью и страхом смотрела в его внезапно побледневшее лицо.

В этот момент двери в приемную залу дома герцога в Венеции широко распахнулись и через них в нее вошли еще две женщины, сопровождаемые тремя мужчинами.

– Гвидо! – с облегчением воскликнула Изабелла, узнавая в одном из них своего мужа.

– Что случилось? – почти в один голос воскликнули обе вошедшие женщины, моментально отмечая необыкновенную бледность герцога и встревоженный вид Изабеллы Кавальканти.

Одна из этих женщин была испанская тетушка герцога, донна Лусия де Монсада, а вторая – графиня Диана Даванцатти, которую сопровождали граф Энрике Контарини и его римский кузен Бартоломео Контарини.

Герцог поднял глаза, чтобы сказать нечто, уверяющее всех присутствующих, что все в порядке, взглянул в лицо сначала своей тетушки, а потом Дианы Даванцатти и в его глазах внезапно вспыхнул другое воспоминание. Замерев, он некоторое время смотрел прямо в глаза Дианы Даванцатти, не отрываясь, прежде чем, неожиданно для самого себя произнес внезапно выскочившее в его памяти другое имя:

– Марина Верех!

К всеобщему изумлению, графиня Даванцатти вскрикнула, побледнела и упала в обморок.

Глава 2.

Остроленка, Польша, конец июля 1416 г.

– Пан Тенчинский! – торжественно провозгласил Войцех, старый дворецкий замка в Остроленке, появляясь в дверях парадной залы для приемов.

Стоявшая у проема узкого стрельчатого окна молодая женщина вздохнула, взглянула в последний раз вдаль, на подернутые золотистой закатной дымкой остроконечные шпили городских костелов Остроленки, и, повернувшись к Войтеху, нахмурила брови.

– Боже всемогущий! – с тоской в голосе сказала она. – Когда же, наконец, это кончится?

Стоявший подле нее управляющий почтительно молчал, опустив долу очи, чтобы не испытывать обычного смущения, с которым он всегда смотрел в лицо своей красивой молодой хозяйки.

Княгине Острожской было немногим больше двадцати трех лет. Какой-то странный каприз управлял поступками этой своевольной молодой женщины после преждевременной кончины ее мужа. Будучи необыкновенно хороша собой, она равнодушно отклоняла многочисленные предложения нового замужества от самой элиты польской знати, не делая никаких попыток вновь устроить свою судьбу. Спасаясь от докучливых ухаживаний назойливых поклонников, княгиня часто и подолгу жила в монастыре, а затем с пленительной улыбкой на устах снова появлялась в Кракове, ослепительно прекрасная и холодная, как лед. Время от времени по столице начинали циркулировать слухи о ее благоволении к пану Тенчинскому, племяннику каштеляна польского короля Владислава Второго Ягайло, распускаемые, по видимости, им же самим, но, в конечном счете, все они оказывались опровергнутыми. Князь Тенчинский в очередной раз просил руки пани Острожской у короля, молодая вдова безразлично повторяла свой отказ и вскоре вновь отправлялась в монастырь. Казалось, она не испытывала никакого интереса ни к кому из окружающих ее людей, кроме собственного маленького сына, и окончательно не порывала узы светской жизни, пожалуй, только ради него.

Два дня назад она благополучно возвратилась из своей очередной поездки в монастырь, но, вопреки обыкновению, не спешила в Краков, а вот уже третью неделю жила вдали от светской жизни польского двора в провинции, в родовом замке покойного мужа, Остроленке.

Дворецкий терпеливо ждал ответа.

– Как он только меня находит! Следит он за мной, что ли! – княгиня была чем-то сильно раздражена. – Скажите ему, что я не могу принять его сейчас. Если он изъявит желание подождать, приготовьте ему комнату.

Не успело смолкнуть в зале эхо ее слов, как высокие тяжелые двери растворились, и в залу стремительно вошел белокурый молодой человек с белесоватым шрамом, пресекавшим наискось его левую щеку.

Лицо княгини еще более омрачилось.

– Прибыл пан Збигнев из Олесницы, королевский секретарь, – так же невозмутимо, как и прошлый раз, доложил дворецкий, вновь появляясь на пороге залы.

– Гоните в шею! – резко сказал ворвавшийся без разрешения молодой человек со шрамом, пан Тенчинский.

– Станислав, – княгиня, наконец, удостоила его вниманием, но только для того, чтобы сделать замечание. – Потрудитесь не мешать мне, коли уж вы вошли, и вам было недостаточно моего нежелания вас видеть!

– Я должен уйти? – сердито спросил молодой человек.

– Да, так будет лучше.

– Но я хотел бы очень серьезно поговорить с вами, Эвелина! – нахмурившись, настаивал на своем пан Тенчинский.

– Хорошо, выйдите в сад, – вздохнула Эвелина, по горькому опыту зная, как трудно от него отвязаться. – Я буду там максимум через час, после того как приму королевского посла.

Пан Тенчинский повернулся и вышел.

– Передайте пану Олесницкому, – обратилась к дворецкому Эвелина, – что я приму его, как только он пожелает.

– Он уже высказал пожелание быть принятым немедленно, – сказал тот.

– Хорошо, тогда зовите его. Посмотрим, что он привез.

Эвелина Острожская вздохнула и подумала, что ей, скорее всего, снова придется вернуться в Краков. Последнее время король все чаще и чаще, со все усиливающейся настойчивостью, приглашал ее ко двору.

– Рад видеть вас во здравии, прекрасная пани Эвелина, – по обыкновению улыбаясь, приветствовал ее пан Збышек, который за шесть лет, прошедших со дня Грюнвальдской битвы превратился из худого долговязого юноши во вполне благообразного дородного польского пана.

Он галантно преклонил перед ней колени, а затем, едва коснувшись губами, поцеловал ей руку. – Это невероятно, но с каждым годом вы становитесь все красивее и красивее! – с веселым восхищением в голосе добавил он, улыбаясь ей искренней, а не стандартно придворной улыбкой, которую он успешно использовал при дворе короля Владислава Ягайло.

– А вы все любезнее и любезнее, Збышек, – рассмеялась Эвелина, предлагая ему присесть и выпить с дороги.

Королевский секретарь попросил медовухи. Он потратил некоторое время, пересказывая ей дворцовые сплетни, а затем, совершенно неожиданно для Эвелины, быстро, словно на одном дыхании, спросил: – До вас не доходило никаких слухов о вашем муже?

– О моем покойном муже? – осторожно переспросила Эвелина, подчеркивая значение слова «покойный» и все сильнее недоумевая.

– Вот-вот, о вашем покойном муже, – также сделав ударение на «покойном», подтвердил пан Збышек уже несколько спокойнее.

– Нет, – коротко сказала Эвелина. – И, опережая ваш вопрос, могу клятвенно заверить, что у меня в замке нет даже его привидения. А что за слухи, Збышек?

– Ничего особенного, – уклонился от ответа королевский секретарь. – И не надо так бледнеть, Эвелина. Князь Острожский умер и похоронен, все знают это.

– Ты заставляешь меня еще более беспокоиться, Збышек, – медленно проговорила Эвелина, прислушиваясь к зарождавшемуся в сердце ужасному предчувствию. – Что происходит? Он что, жив?!

Пан Олесницкий хлебнул еще один ковш медовухи. В его ответе, обращенном к молодой женщине, ясно послышалась увещательная нота:

– Тебе не о чем беспокоиться, Эвелина. Что бы та не было, король защитит тебя и ребенка.

– Защитит? – повторила вслед за ним, как эхо, Эвелина. – От кого?! От моего покойного мужа?!

– Эвелина, – меняя тактику, твердо сказал пан Олесницкий. – Его королевское величество Владислав Второй хочет видеть тебя и Андрея при дворе.

– Воистину, сегодня день сюрпризов! – вскричала Эвелина с нервным смешком. – По какому поводу, если не секрет?

– Когда король хочет кого-либо видеть, ему не нужно для этого никакого повода! – повысил голос, внезапно выходя из себя, пан Олесницкий. – Вы забываетесь, княгиня!

– Не кричи, Збышко, – устало сказала Эвелина, заставляя себя успокоиться. – И без тебя пан Станислав довел до головной боли. Я понимаю, что Ягайло не мог доверить никому, кроме тебя, говорить со мной на такую деликатную тему. Он дал тебе письменные распоряжения для меня, не правда ли? Когда мы должны ехать в Краков?

Пан Олесницкий вздохнул и обреченно ответил:

– Как можно скорее.

– Ты же понимаешь, что мне надо собрать себя и ребенка, – осторожно уточнила Эвелина, стремясь проверить серьезность и неотложность этого странного приглашения.

– Это ничего не меняет. Вы должны выехать как можно скорее.

– Хорошо.

Эвелина позвонила в колокольчик, вызывая дворецкого.

– Оставь мне письмо от короля, Збышек, – обернувшись к пану Олесницкому, сказала она. – И если ты забыл старую дружбу, хочу напомнить тебе, что Ягайло всегда благоволил ко мне. Не знаю уж, как далеко зашло нынче его благоволение, но я уверена, что он не позволит тебе гнать меня и ребенка в Краков разутыми и раздетыми!

– Эвелина, – понизив голос, сказал королевский секретарь, сильно покраснев, – я вовсе не твой враг. Я забочусь о тебе и Андрее так же сильно, как и король. Поверь мне, ради вашей безопасности, вам лучше покинуть Остроленку как можно скорее!

– Даже вот как?

Эвелина задумчиво смотрела на явно чувствовавшего себя далеко некомфортно пана Олесницкого. Потом протянула руку и сказала:

– Отдай мне письмо и езжай с Богом, Збышек. Я обещаю тебе, что мы с Андреем приедем в Краков уже на этой неделе. У меня, слава богу, достаточно людей, чтобы обеспечить мне безопасный эскорт на время путешествия. Я вовсе не хочу гневить короля.

– При одном условии, – помолчав, пошел на уступку королевский секретарь. – Как только ты приедешь в Краков, ты дашь мне знать об этом немедленно. Это очень важно, Эвелина! Если я не получу вестей от тебя до конца этой недели, то, клянусь распятым, я приеду в Остроленку, арестую вас обоих и под конвоем отправлю в Краков.

– Договорились, – в голосе княгини Острожской прозвучала едва уловимая насмешка.

«Что же там происходит?» – с беспокойством думала она, выходя в сад, чтобы немного охладить горящую от немислимых предположений голову. Она медленно пошла по направлению к темному ночному пруду, размышляя о вероятности того, что, по какому либо невероятному стечению обстоятельств, князь Острожский мог оказаться живым. Ведь его тела так и не нашли на поле боя. Иначе к чему все эти намеки? Дошли ли до нее слухи о покойном князе? Какие слухи? Они, верно, совсем там с ума сошли в Кракове! Если бы князь был жив, он бы уже давно был с ней и Андреем. С другой стороны, Эльжбета Радзивилл, ее лучшая подруга и кузина Острожского, не раз гадала на князя и всегда утверждала, что он жив. Правда, никто и никогда не воспринимал ее слова всерьез.

«Что же там у них происходит?» – в очередной раз подумала она, несколько раз в волнении прохаживаясь туда-сюда по мокрой от ночной влаги траве, от господского особняка почти до темнеющего в глубине сада пруда, не желая встечаться с паном Тенчинским, пока не успокоится.

«Что бы это ни было, – заключила она наконец, – кому-то очень нужно, чтобы она уехала из Остроленки. Судя по всему, разгадку этого странного поведения короля она найдет в Кракове».

– Я ждал вас несколько часов! – внезапно раздался за ее спиной голос пана Тенчинского, когда она, уже почти успокоившись, в очередной раз дошла до пруда.

– Боже мой! Разве можно так пугать, Станислав! – вскричала Эвелина, от неожиданности чуть не оступившись с дорожки. – По вашей милости я могла и в пруд свалиться!

Сухие травинки зашуршали под шагами пана Тенчинского. В саду было влажно от близости довольно большого пруда и темно, хоть глаз выколи. В воздухе пряно пахло ароматом роз и гладиолусов.

– Вы заставили меня ждать, Эвелина, – в голосе поляка звучал упрек.

Темнота мешала Эвелине разглядеть выражение его лица.

– Простите, Станислав, но я думала, что вы уже в доме, – едва сдерживая раздражение, сказала она. – Кто в здравом уме станет дожидаться женщины ночью да еще в темном саду!

– Влюбленный мужчина? – подсказал пан Станислав.

– Бросьте, Станислав, – рассердилась Эвелина. – Что за романтическая чушь в моем возрасте и положении! Вы ведь хотели о чем-то со мной поговорить, не так ли? Я только не понимаю всей этой таинственности. Если меня так долго не было, почему вы не вернулись в дом?

– Обопритесь об мою руку, княгиня, я не хочу, чтобы вы упали, – вместо ответа проговорил поляк.

– Очень любезно с вашей стороны. Вы что же все это время просидели в засаде? – предложила Эвелина, не собираясь опираться на протянутую ей руку, тут же на ходу придумывая отговорку. – Я вас не вижу, Станислав. Пойдемте в дом.

Пан Тенчинский не стал отвечать на провокационный вопрос. Вместо этого он подошел ближе к Эвелине и, взяв ее руку, положил ее ладонь на обшлаг своего рукава. Глаза Эвелины медленно стали привыкать к темноте.

– Я начну издалека.

В темноте прохладной июльской ночи мягкий голос пана Тенчинского звучал необычайно загадочно и интригующе:

– Знаете ли, мать в детстве рассказывала мне странную сказку. Я помню ее до сих пор. Разрешите?

Эвелина машинально кивнула, с паникой подумав про себя: «Боже мой, еще один сумасшедший! Они что, сговорились все сегодня?» Тенчинский прекрасно видел рядом с собой ее

бледное прекрасное лицо, оттененное темно-бордовым цветом повседневного, сшитого у лучшего портного в Кракове платья.

– Хорошо, расскажите мне эту сказку. Но только при условии, что мы пойдем к дому. Мне, знаете ли, не хочется в этой темноте подскользнуться и упасть в пруд. И, не дай Бог, утонуть при этом и себя и вас.

Пан Тенчинский усмехнулся и, переменив направление, повел Эвелину по направлению к белевшим в ночной темноте стенам господского дома. Немного помедлив, он заговорил:

– В некотором царстве, в некотором государстве жила-была с отцом и матерью маленькая девочка. Она любила смеяться, любила цветы, и сама была похожа на прекрасный хрупкий цветок, свежий и нежный. Отец не чаял в ней души, и, казалось, весь мир улыбался, когда она пела или смеялась. Она была весела и беззаботна. Нельзя было не любить ее. Но однажды произошла беда. Сначала умерла ее мать, а потом началась война. К тому времени маленькая девочка успела подрасти и стала такой красавицей, что коварные и жестокие враги, покоренные ее красотой, темной ночью украли ее из дома отца. Прошло много лет, прежде чем девочке, или вернее, теперь уже девушке, удалось хитростью убежать от врагов. Вслед за ней была выслана погоня – злые воины и свирепые собаки. Она бежала по дремучему лесу, совсем одна, и враги уже настигали ее, как вдруг, откуда ни возьмись, появился прекрасный рыцарь на белом коне. Он и его светлая дружина победили всех врагов и освободили девушку.

Пан Тенчинский неожиданно умолк.

– Что же было потом, Станислав? – холодно спросила Эвелина.

– Потом счастливая девушка стала женой прекрасного рыцаря, и у них родился сын.

Эвелина сосредоточенно смотрела в темноту перед собой, размышляя, как лучше поступить. Подумав, она решила выждать, надеясь, что пан Станислав сам скажет, что он имел в виду.

– Это все? – проронила она, помедлив еще минуту. – Замечательная история! Но у нее, по-видимому, имеется продолжение? Что же вы замолчали, Станислав? Говорите, зачем вам понадобилась эта душещипательная сказочка.

Пан Тенчинский некоторое время молчал, словно собираясь с духом, а потом с оттенком обвинения в голосе сказал:

– Я все знаю!

– Что именно? – не поняла Эвелина.

– Что вы и Острожский всех обманули.

Остановившись на дорожке и вынудив Эвелину остановиться рядом с ним, так как она все еще опиралась на его руку, пан Тенчинский пристально вглядывался в лицо молодой женщины.

– Ну и что? – в глазах Эвелины сквозило неподдельное непонимание, или нежелание понимать, быстро подумал Тенчинский. – Мы никогда не скрывали этого. Да, я венчалась с князем тайно, против воли отца, сбежав из дому. Мы действительно всех обманули. Об этом знают и король, и великий князь Витовт.

– Я совсем не это имел в виду, – нахмурившись, сухо сказал Тенчинский.

На тонком прекрасном лице Эвелины отразилась усталость.

– Если вы хотите, чтобы я вас поняла, Станислав, говорите прямо, – с оттенком упрека сказала она. – Я не могу постичь смысла ваших двусмысленных намеков и сказочных аллегорий.

– Хорошо!

Тенчинский взял в свою ладонь пальцы Эвелины и прижал их к своим губам. Привыкнув к полумраку сада, Эвелина хорошо видела напряженное выражение, появившееся на красивом, несмотря на портивший его шрам, лице поляка.

– Мне очень неприятно причинять вам боль, княгиня, но я не могу иначе, – помолчав, заговорил пан Тенчинский. – Говоря без обиняков, я знаю, в каком качестве вы жили в Маль-

борке, и при каких обстоятельствах подобрал вас Острожский. Более того, я знаю, что он буквально спас вам жизнь и навеки опозорил честь своего рода, женившись на вас после того, как выгнал вас из замка.

– Достаточно.

Эвелина благословляла темноту, которая частично скрывала от пана Тенчинского краску стыда и негодования, выступившую на ее лице. Она перевела дыхание и, стараясь оставаться спокойной, холодно спросила:

– Зачем вы мне это говорите? Это что же, шантаж?

– Собственно, да, – почти прошептал, словно пугаясь своих слов, пан Тенчинский. – Я... я могу опозорить вас на всю Польшу и Литву. Король не допустит, чтобы имя и состояние Острожских князей принадлежало, извините, как бы это помягче сказать, блуднице из рыцарского замка и ее незаконнорожденному сыну.

Эвелина в бессилие на минуту прикрыла глаза. Черт бы побрал этого любознательного идиота! Черт бы побрал покойного князя Острожского, который уговорил ее пойти на это безумие – выйти за него замуж и постараться не вспоминать о том, что случилось с ней в замке. Теперь он умер, и она одна должна сражаться против всего света за себя, за него и за своего маленького сына.

– Ну, допустим, с Андреем вы погорячились, – очень спокойно, словно замедленно, сказала она, пытаясь сдержаться и не столкнуть пана Станислава с тропинки в заросли крапивы, – кем бы я ни была, но мой сын рожден в законном браке.

– Я не имел в виду..., – слабо проблеял пан Станислав, несколько обеспокоенный ледяным презрением, сквозившем в голосе молодой женщины. Он ожидал, что она будет смертельно напугана тем, что ему удалось узнать ее тайну, и только.

– Так чего же вы хотите за ваше молчание, Станислав? – между тем, почти насмешливым тоном спросила Эвелина.

– Я...

Пан Тенчинский набрал побольше воздуха в грудь и на одном дыхании выпалил:

– Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Эвелина почувствовала, что ей стало нечем дышать.

– После того, что вы мне сейчас сказали, Станислав?! – наконец, сумела выговорить она.

– Ваш сын сохранит имя и состояние его отца, – не слушая ее, словно в беспамятстве, продолжал поляк, хватая ее за руку. – Я согласен на любые ваши условия! Я готов отдать жизнь за то, чтобы иметь право назвать вас своей женой!

– А как же быть с вашей честью? – тихо спросила Эвелина, сдерживаясь от того, чтобы не повернуться и убежать в темноту.

– Я беру в жены княгиню Острожскую, – с пафосом провозгласил пан Тенчинский. – Имя князя очистило вашу репутацию.

– Вот оно как.

Эвелине захотелось скорее вернуться в дом и помыть руку в том месте, где сейчас касались ее пальцы молодого человека. Подавив это желание, она спросила:

– Вы дадите мне время на размышление?

– Конечно же, моя дорогая! – в голосе пана Станислава прозвучало явное облегчение. – Я хотел бы сыграть свадьбу в сентябре.

Возвращаясь в дом, Эвелина мрачно думала о том, что брак с паном Тенчинским был бы равносильным браку с комтуром Валленродом, с той лишь разницей, что Валленрода она, пожалуй, больше ненавидела, чем презирала, а с паном Тенчинским все было наоборот. Про себя она уже твердо решила, что завтра же отправится в Краков и будет просить защиты у короля.

Глава 3.

Предместье Кракова, Польша, август 1416 г.

В конце июля 1416 года, переступив границу Польского королевства, герцог Монлери целиком и полностью окунулся в казавшуюся ему поначалу чужую и совершенно непонятную жизнь. Ежедневно несколько десятков незнакомых ему людей узнавали его, радовались вместе с ним его возвращению, захлеб вспоминали военные кампании, в которых он когда-то принимал участие. Герцог не без удивления выслушивал легенды о своих подвигах и с каждым днем узнавал о себе все больше и больше.

Лица некоторых из беседовавших с ним людей казались ему смутно знакомыми, но в душе его не возникало никаких чувств и никакого волнения. Более того, он все больше и больше сомневался, когда его называли его литовским именем. Несмотря на все его усилия, память не возвращалась. Точнее, возвращалась понемногу, с непонятными провалами в самых неожиданных периодах времени.

Первоначально он планировал отправиться напрямик в столицу Польского королевства, город Краков, предстать пред очи польского короля и посмотреть, что из этого получится. Но, пробыв в Польше меньше недели, он изменил свои намерения. Теперь он решил сначала отправиться в свое родовое имение, Остроленку, где по слухам обыкновенно проводила лето княгиня Острожская с юным князем Андреем, и прежде, чем встретиться с королем, поговорить со своей женой.

Поэтому, почти доехав до Кракова, он не стал въезжать в город, а остался в предместье, намереваясь наутро следующего дня изменить свой маршрут. Было уже достаточно поздно, когда он остановился возле показавшегося ему более или менее приличным постоялого двора. Увидев его дорожную одежду и оружие, а также количество сопровождавших его людей, заспанный хозяин благословил небо за такого хорошего постояльца и без долгих разговоров провел его в дом, посоветовав людям герцога подходящую гостиницу неподалеку.

Проходя через общую горницу, герцог чуть не столкнулся с высоким атлетического сложения мужчиной в темно-лиловом бархатном жупане, который, видимо, прибыл на постоялый двор несколько ранее его. Тот поднял на него взгляд, ожидая извинений, и тут же в изумлении широко открыл глаза.

– Клянусь Святым Крестом, – тихо присвистнул он, – князь Острожский!

– Ротенбург! – воскликнул герцог, узнавая его мгновенно, несмотря на полутьму, царившую в горнице.

– Черт побери, князь! – барон Карл Ротенбург сгреб его в охапку и, крепко сжав в своих медвежьих объятьях, радостно пробасил ему в ухо: – Я знал, что моя дорогая колдунья-женушка права! Ты не мог так просто и глупо подставиться под рыцарский тесак. Ты слишком вредный тип, чтобы взять и умереть в какой-то захолустной битве!

– Ты прав, барон, – усмехнулся герцог, пытаясь высвободиться из его хватки. – Даже битва при Азенкуре не смогла меня добить. Поосторожней, Карл, я был там снова ранен, и ты делаешь мне больно.

– Вот это да! – напоследок хлопнув герцога по плечу, Карл фон Ротенбург удивился:

– Ты дрался при Азенкуре? Когда ты успел, несчастный? Или дурное дело нехитрое?

Пойдем, выпьем, что ли. Ты здесь один?

Четверть часа спустя они уже сидели за тяжелым дубовым столом в отведенных герцогу покоях. На столе перед ними стоял кувшин с польской водкой, пара кружек и нехитрая закуска, предложенная гостеприимным хозяином: холодное мясо, жареный поросенок с гречневой кашей, вареники и миска с квашеной капустой.

Оба сбросили камзолы, и Карл с сочувствием видел сквозь тонкое полотно рубашки герцога тугую повязку, которая закрывала его грудь и предплечье. Удобно устроившись на скамье, привалившись спиной к стенке, завешенной толстым домотканым ковром, герцог внимательно слушал рассказ Ротенбурга о том, что происходит при польском дворе. Выкладывая ему последние новости, Карл краем глаза наблюдал за своим прежним приятелем и с радостным удивлением убеждался, что внешне князь казался почти таким же, каким и был шесть лет тому назад. Он по-прежнему оставался невыразимо привлекательным той самой красотой избранных: утонченной красотой принца королевской крови, лучшие черты которого отбирались столетиями браков с прекрасными женщинами и воспевались в песнях трубадуров.

– Какой ты все-таки красивый мужик, Острожский, – не удержался Карл, прерывая свое повествование.

Герцог вопросительно выгнул бровь, его темные искристые глаза засветились насмешкой.

– Это что, комплимент? Ты часом, не перебрал, Ротенбург?

– Увы, нет! – засмеялся барон. – Я еще даже не начитал пить, но скоро наверстаю это досадное упущение. Я говорил так много, что горло пересохло. Теперь твоя очередь. Расскажи мне, князь, как это тебе в голову пришло развлекаться в крестовых походах, оставив Эвелину одну с ребенком и паном Тенчинским, – тон барона Ротенбурга стал серьезным. – Я уже не говорю о том, что она думает, что ты погиб при Грюнвальде. Я, конечно, в курсе ваших прошлых небольших разногласий, но согласись, то, что сделал ты, это уже слишком радикально.

Герцог встал и подобросил в камин дрова. Некоторое время постоял, наблюдая за бушевавшим в камине пламенем, а потом обернулся к Карлу. Барону показалось, что какая-то неясная тень скользнула по его лицу.

– Как ты помнишь, я был ранен при Грюнвальде, – наконец, отрывисто сказал он, не глядя на Карла. – Ранение оказалось очень серьезным. Более того, я потерял память. При мне были бумаги, подтверждающие, что я – принц Анжуйского дома, герцог Монлери. Меня отвезли в Венецию, где в течение долгого времени жила моя мать. Шесть лет я жил с уверенностью, что я герцог Монлери.

Карл смотрел на герцога с таким выражением, словно тот сошел с ума.

– Это шутка? – наконец, спросил он, залпом глотнув полкружки крепкой польской водки.

– Нет, Карл, это не шутка. Я ничего не помнил. Даже сейчас я помню не все. И то, что я вспомнил, мне очень не нравится.

– Ты знаешь, мне тоже.

Карл со стуком поставил пустую кружку на стол.

– Что-то ты меня совсем запутал, – сознался он. – Ну, бог с тобой, допустим, такое случается. И ты действительно потерял после ранения память. Но теперь-то ты вспомнил, что ты князь Острожский?

Герцог поморщился, но, тем не менее, честно ответил:

– Карл, я не князь Острожский, я герцог Монлери.

Грязно выругавшись, Ротенбург налил себе еще водки.

– Я не знаю, что происходит в твоей голове, Острожский, – проникновенно сказал он, поднимая глаза на своего прежнего приятеля, – но к добру это не приведет. Какой, к черту, герцог?! Как ты можешь быть этим самым герцогом, если тебя ранили под Грюнвальдом? Ты, что, крестоносец, что ли?

– Герцог Монлери участвовал в крестовых походах против Литвы, – скупое уронил герцог.

Карл некоторое время смотрел на него, а затем медленно начал говорить:

– Надеюсь, ты вспомнил, что я тоже был крестоносцем? Так вот, я жил в этом чертовом рыцарском замке последние пятнадцать лет перед Грюнвальдом, я знал каждую крестоносную собаку при тевтонском дворе. И я с полной уверенностью могу тебе сказать, что никакого герцога Монлери там не было. Не было! Зато был посол польского короля князь Острожский.

Ты! И тысяча людей, здесь в Польше, и там, в этом чертовом замке, могут это подтвердить. Тебе мало?

– Этому должно быть какое-то объяснение, – задумчиво сказал герцог после непродолжительного молчания. – Пока я не знаю его. Дело в том, Карл, что я помню себя, как герцог Монлери, помню свою мать, свое детство, тысячу мелочей, которые трудно подделать или сочинить. Но, в то же время, я помню себя и как князь Острожский. Иногда мне кажется, что я схожу с ума!

На лице герцога была написана такая душевная мука, что, взглянув на него, Карл словно бы протрезвел. Герцог снова сел на скамью, оперся спиной о стену и, найдя удобное положение, чтобы не тревожить свою рану, грустно и устало смотрел на угасающие в камине угли.

– Ты раздвоился, что ли, на старости лет? – рассердился Ротенбург, чтобы скрыть внешне хлынувшее в его душу сочувствие. Таким грустным и потерянным он не видел Острожского никогда, даже после импровизированной смерти Эвелины много лет назад. – Давай-ка, собирай свои мозги в кучку и решай, кто ты. Я лично помню тебя князем Острожским.

– Ты уверен? Признаться, у меня была тайная надежда отыскать ответ на этот вопрос в замке.

– Я могу присягнуть на Библии, что ты – князь Острожский, – внушительно сказал Карл. – Хотя, перед самым Грюнвальдом случилось несколько странных событий, которые сейчас, после того я ты поделился со мной этим своим бредом, кажутся мне все более и более подозрительными. Эта история, которая произошла с нами в лесу, когда мы оба были детьми... – Карл потер рукой лоб. – Прежде всего, скажи мне, как много ты вспомнил?

– Достаточно.

Карл внимательно посмотрел в лицо герцога, вновь ставшее непроницаемым.

– Помнишь тот день, когда ты рассказал мне про крест Гедемина? – наконец, тихо спросил он. – Ну, ту самую историю про потерянных детей великого литовского князя Витовта.

Герцог прикрыл глаза, чтобы скрыть блеснувший в них огонек надежды на чудо, и сдержанно кивнул в ответ.

– Да, я помню.

Ротенбург помолчал, а потом неуверенно продолжал:

– Знаешь, у меня всегда было впечатление, что ты не все мне тогда сказал.

– Почему? – герцог открыл глаза и поднял голову.

– Ну, не знаю, – Карл пожал плечами. – Уж какой-то ты был весь таинственный в той истории.

– Таинственный? – повторил вслед за ним герцог. – Что ты имеешь в виду?

– Ну, понимаешь, – попытался зайти с другой стороны Карл, – была в той истории какая-то нестыковочка, что ли.

– Какая?

– Ну что ты ко мне прицепился! – вспыхнул Карл, – не знаю я, честное слово! Словно ты эту историю с чужих слов рассказывал. Ну, без подробностей, что ли? Даже я потом вспомнил больше, правда, кусками, отрывками, образами... Но в моих воспоминаниях снега не было, было холодно, но скорее всего осень, а не зима. А ты говорил про снег...

– Я говорил про снег, – медленно произнес герцог, уставившись неподвижным взглядом в темноту за окном, – потому что отчетливо помню капли крови на белой земле.

– Капли? – проворчал Карл. – По-моему там были лужи! И снега не было. Напрягись, Острожский. Разгадка где-то рядом. Ты уже выглядишь, словно встретился с привидением. Еще немного усилий, и ты готовый кандидат для шаманских плясок Эльжбеты. Или ты предпочел бы вызов духов?

– Духов? – рассеянно повторил за ним герцог, думая о чем-то своем. – Мне кажется, это неплохая идея. Могу я заказать духа покойной королевы Ядвиги?

Карл сухо рассмеялся.

– Зачем тебе дух Ядвиги? Наш король был в курсе всех ее тайн. Хочешь узнать о них, иди к Ягайло. Ты, как-никак, его племянник.

– Конечно же, король, – со странным выражением сказал герцог. – Я уверен, что ему есть, что мне рассказать. Только пока я не горю желанием с ним встретаться.

– Интересно, почему? – почесал бровь Карл, искоса рассматривая его, словно видел впервые.

– Если мои догадки верны, боюсь, что его королевское величество будет сильно не в духе, – задумчиво сказал герцог.

– Узнаю прежнего князя Острожского, – усмехнулся Карл. – Ягайло снова будет метать громы и молнии, и призывать на твою голову гнев всех языческих богов? Кстати, очень много про это слышал, но никогда не видел воочию. Дашь мне шанс, князь?

Герцог по-прежнему рассеянно всматривался в догоравшее пламя камина. На лице его застыло задумчивое выражение.

– Боюсь, что нет, – наконец сказал он, словно очнувшись от глубокого сна.

– Что так? – подколот его Карл.

– Гнев языческих богов на мою голову призывали, если мне не изменяет память, только князь Витовт и Эльжбета Радзивилл. Ягайло, как истинный католик, пользуется христианской терминологией.

– Ну, это уже не так захватывающе, – скривился Карл. – Я уверен, что что-то подобное я не раз слышал из уст дворцового капеллана... Но ты все-таки полегче с ним, князь. Твой последний спор с королем стоил тебе двух месяцев в подземельях Вавеля. Надеюсь, это ты помнишь?

– И потом, – Карл положил уставшие ноги в ботфортах на спинку соседнего кресла. – Я бы на твоём месте серьезно подумал, прежде чем тревожить короля.

Отставив полупустую кружку на стол, герцог вопросительно посмотрел на Карла.

– Что ты имеешь в виду, барон?

Карл рывком сбросил ноги с кресла и, наклонившись через стол, приблизил свое лицо к лицу герцога. Блики от колеблющегося света пламени горевших в камине дров тенями играли на его суровом обветренном лице:

– Допустим на секунду, что ты прав, и ты есть итальянский или французский Анжу, – тихо и серьезно сказал он. – Допустим также, что я тоже не сошел с ума, вместе с половиной Польши и Литвы, которые еще помнят князя Острожского в лицо. Если король знает правду о том, что происходит, и до сих пор ее не сказал, значит, у него есть весомые причины не делать этого. Ты знаешь эти причины? Нет! Ты думаешь, он откроет тебе их, если ты придешь к нему со своими догадками? Да он рассмеется тебе в лицо! Так что на твоём месте, князь, я бы тихо сидел и ждал, когда твоя память вспомнит о своих обязанностях. И, знаешь, совсем бы не кричал на каждом углу, что ты – герцог Монлери и принц Анжуйского дома. Напротив, было бы лучше, если бы ты вел себя как князь Острожский. После того, как ты женился на Эвелине, ты соединил два больших состояния. Так что ты богат, известен, и можешь вернуть себе все то влияние при обоих дворах, что ты имел до Грюнвальда. Посмотрим, как воскресший князь Острожский понравится польскому королю!

– Я уверен, что Витовт бы озолотил тебя за такую идею! – парировал герцог после секундного молчания, прищурив темные глаза. – Но как быть с моим собственным состоянием, которое я унаследовал от моих итальянских, французских и испанских предков? Эти нескончаемые войны перебили всю мою родню и сделали меня очень богатым человеком! Через четыре-шесть недель я должен быть при испанском дворе. Мой дед при смерти, я единственный наследник, и их величества требуют от меня появиться при дворе собственной персоной, для того, чтобы вступить во владения огромным наследством де Монсада.

– Так какого рожна ты явился в Польшу, если у тебя и так все хорошо в Европе? Кстати, надеюсь, ты в курсе, что жена Ягайло, королева Анна, умерла? – икнув, спросил Карл, все еще опираясь локтями о стол. Он посмотрел на то, что мешало ему свободно сдвинуть руки со стола, и тут же скривился от отвращения: – Черт, опять я влепился в эту квашеную капусту! Снова от меня будет вонять, как отдохлого кабана.

На красивом лице герцога не отразилось ни намек на улыбку.

– Ты, правда, не понимаешь, почему?

– Нет! – честно сказал Карл, глядя прямо в глаза герцога своими странными янтарными глазами, так похожими на глаза великого литовского князя.

– Я хочу вернуть себе жену и сына, – коротко сказал герцог.

– Эвелину? – неожиданно рассмеялся Карл. – И как давно ты вспомнил про нее? Да и зачем она тебе? Она же всегда терпеть тебя не могла!

– Этого не может быть! – по выразительному лицу герцога снова промелькнула какая-то непонятная тень. – Во время всех этих лет забвения память о прекрасной светловолосой девушке, имени которой я не помнил, преследовала меня неотступно. Я даже пытался отыскать ее во Франции и Италии!

– Да уж, видимо крепко тебя приложило, если ты не помнил даже Эвелины, – проворчал Карл.

– Когда я увидел портрет польской кузины Энрике Контарини, и Бартоломео назвал мне имя Эвелины, – продолжил говорить герцог, – случилось так, словно кто-то отдернул шторы с окна. Осколки и обрывки памяти внезапно сложились воедино, и с того момента я начал медленно вспоминать, что у меня была другая жизнь, и в этой жизни были Эвелина, ты, Эльжбета и много других людей...

Он замолчал, а потом, посмотрев на Карла, с легким вызовом добавил:

– Я вспомнил, как Эвелина стояла со мной в церкви перед алтарем, стало быть, она согласилась стать моей женой. Она бы не сделала этого, если бы, как ты выразился, терпеть меня не могла. Кроме того, сердце нельзя обмануть – я любил ее, и до сих пор люблю.

Карл негромко рассмеялся.

– Стало быть, ты не помнишь, сколько усилий она потратила, чтобы избежать этого брака? Не помнишь, как ты почти силой тащил ее к алтарю? Знаешь, вот теперь я тебе верю. Ты действительно лишился памяти, если не помнишь ваши отношения с Эвелиной! Но одно верно, – быстро добавил он, заметив, что герцог нахмурился, – если кто и сумеет привести тебя в чувство, то только Эвелина. Тебе нужно найти ее как можно скорее. Только помни, что ты женился на ней под именем князя Острожского, и если ты утверждаешь, что на самом деле ты принц Анжу и какой-то там герцог, то на твоей родине этот брак будет считаться недействительным, и твой сын будет просто одним из твоих бастардов.

– Ну-ну! – закричал он, видя, что герцог в гневе вскочил на ноги. – Я лишь предупреждаю тебя, какого сорта проблемы тебе придется решать. И, более того, у меня есть подозрение, что Ягайло не отпустит Эвелину с тобой, в любом случае. Уж больно он ее опекает.

– Что ты имеешь в виду?! – насторожился герцог.

– Ну, допустим, то самое, о чем ты подумал, – кивнул головой в ответ Карл, подтверждая его самые невероятные предположения. – Эвелина – очень красивая женщина, а король не так уж и стар, к тому же он мужчина. Недаром королева Анна сделала все возможное, чтобы закрыть Эвелине двери ко двору.

Остановившись на минуту, чтобы перевести дыхание, и заметив негодующий жест герцога, пальцы которого непроизвольно сжались в кулаки, а тело напряглось, словно готовясь к прыжку, Карл продолжал:

– Ты не кидайся на меня, идиот, а слушай, что я говорю. Я прекрасно помню то, что, в свое время, ты сделал для меня. Теперь моя очередь. Так вот, я думаю, что король немного подумал и снова решил жениться. Наследника то у него все еще нет. Эвелина, как дочь воеводы Ставского и вдова князя Острожского, ему очень даже подходит. Так что у меня сильное подозрение, что он уже положил на нее глаз. Если ты – князь Острожский, он еще, может быть, и раздумает. А вот если ты – какой-то там иноземный принц, он развеет вас с Эвелиной так быстро, что ты и пикнуть не успеешь.

– И какой же вывод ты сделаешь из своих умозаключений, мой всезнающий и хорошо осведомленный друг? – спросил герцог таким тоном, что Карлу показалось, что к нему словно вернулось хладнокровие и присущее ему в былые годы чувство юмора.

– Я рад, что ты ценишь мои скромные таланты.

Карл снова сбросил ноги с подлокотника кресла, поудобнее уселся на скамье и, став серьезным, негромко сказал:

– Я думаю, что Ягайло сам найдет князя Острожского и скажет ему правду. Если ты, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, окажешься действительно принцем европейского королевского дома, он попытается избавиться от тебя по-хорошему, но он будет сильно возражать, если ты потребуешь у него Эвелину и Андрея. Твой малыш уже получил титул князя Острожского, и Ягайло сохранил за ним все твои прежние владения. Это говорит о том, что у него имеются свои планы относительно их обоих.

Он вздохнул и с циничной усмешкой добавил:

– Эвелина опять оказалась слишком красивой для того, чтобы ее оставили в покое.

– Какой же будет твой совет? – так же серьезно спросил герцог.

– Совет? – Карл насмешливо скривил губы. – Я не даю советов. Во-первых, не даю их из принципа, а, во-вторых, лично тебе. Ты был звездой польского двора, признанным дипломатом, вершил политику, мирил и ссорил королей и вельмож Тевтонского Ордена. Так что, друг любезный, напрягись и хоть раз обрати свои таланты на свою личную пользу. Что же касается меня, мои польские связи и мой меч, если понадобится, всегда в твоём распоряжении. Заявляя это, я сильно надеюсь, что ты не поймаешь меня на слове и не попросишь штурмовать Вавель.

– Да уж, только этого мне не хватало для полного счастья, – герцог сжал рукой лоб, чтобы унять начинающуюся головную боль.

– Кстати, последний нюанс, мой друг, – Карл колебался, но, тем не менее, мысль о том, что скажет, узнав, что он промолчал, его жена, заставила его договорить: – Точнее, совет, который дала Эльжбета. Ты ведь просил совета, не так ли?

– Ну и? – вскинул на него глаза герцог.

– Срочно найди свою жену. И переспи с ней, – твердо сказал Карл.

– Ты что же, совсем совесть потерял? – с изумлением спросил герцог.

– Мне нравится твоя реакция. Просто сделай это. Я слышал, что Ягайло послал своего секретаря в Остроленку, чтобы увезти оттуда Эвелину и Андрея. Это значит только одно: новость о твоём присутствии уже достигла ушей короля.

– Сколько у тебя людей? – спросил Карл после непродолжительного раздумья.

– Много.

Карл с удивлением увидел, что Острожский уже не так напряжен и даже слегка усмехается, наблюдая за ним.

– Как много? – подозрительно спросил он.

– Очень много, – сказал герцог. – И все отлично тренированные для войны наемники. Так что при желании я действительно могу штурмовать Вавель, если это понадобится.

– И что ты намерен делать? – поинтересовался Карл, залпом выливая в горло последний глоток польской водки из своего кубка.

– В настоящий момент я намерен отправиться спать. Уже поздно, – доверительно поведал ему герцог.

– То есть, штурм Вавеля откладывается на завтра? – уточнил Карл, неизмеримо обрадованный тем, что Острожский все больше и больше начинает вести себя как тот человек, которого он знал прежде.

– Не могу ничего обещать, – герцог встал со скамьи и потянулся, разминая затекшие члены. – Но недели через две или три приглашаю вас с Эли и семейством в Остроленку, – добавил он, посмотрев на Карла.

– Откуда ты знаешь, что у меня есть дети? – поразился Карл.

– Было бы странно, если бы их не было. Наследник?

– Да, – с гордостью сказал Карл.

– Поздравляю. А сейчас, иди спать. Ты мне очень помог, Карл. Обо всем остальном поговорим в Остроленке.

– Ты едешь в Остроленку? – уточнил Карл, понимая, что, узнав о неожиданной встрече с Острожским его жена не успокоится, пока не вытрясет из него все подробности их разговора и захочет узнать обо всех намерениях князя, даже о тех, о которых тот сам еще не подозревает.

– Нет, Карл, – скупо ответил герцог. – Я еду в Краков. Насколько я понял с твоих слов, Эвелину следует искать именно там, возле короля.

Глава 4.

Краков, Польша, август 1416 г

На последней перед Краковом почтовой станции не оказалось лошадей. Проклиная в душе всех и вся от нетерпения очутиться скорее в Кракове, герцог, стараясь сдерживать свой гнев, вышел из кареты и бездумно наблюдал, как проворные и молчаливые люди с почтовой станции, напуганные бледностью и непроницаемым выражением его лица, торопливо распрягали загнанных лошадей.

Чуть поодаль, на почтовом дворе стояла другая карета, большая и вместительная, с закрепленными ремнями на крыше сундуками. Она въехала во двор на четверть часа раньше, чем герцог, и теперь ее счастливые обладатели уже ждали, пока им запрягали свежих лошадей.

Молодая женщина в темном плаще, наброшенном поверх платья и почти полностью скрывавшем его цвет и фасон, в темной шляпе с вуалью, торопливо сошла по ступенькам гостиницы, расположенной на территории постоялого двора и направилась к карете. Рядом с ней, уцепившись за ее руку, бежал, подпрыгивая от возбуждения, белокурый мальчик лет пяти-шести, подвижный, как ртуть. Неожиданно он вырвал у матери свою руку и, весело смеясь, побежал к карете, стремясь опередить мать.

В то же время в растворенной двери конюшни появился грум, ведущий под уздцы вторую пару лошадей для кареты. Резкое появление мальчика, нечаянно оказавшегося почти перед самым носом у лошадей, испугало их. Лошади всхрапнули, встали на дыбы, поводья выскользнули из ослабевших пальцев не ожидавшего этого грума, который от рывка лошадей повалился вниз лицом на землю. Мальчик остановился и вскрикнул от страха, увидев занесенные над его головой огромные тяжелые копыта лошадей, неотвратимо опускавшиеся ему на голову.

Не отдавая себе отчета в своих действиях, герцог бросился вперед, к лошадям, изловчившись, дотянулся до болтавшихся поводьев и в последнюю минуту успел ухватить лошадей под уздцы и сдерживать их. На какую-то долю секунды он увидел и успел оценить находчивость мальчика, без звука упавшего на землю, свернувшись клубком и закрыв руками голову, а затем молниеносно откатившегося в сторону. В следующую минуту на удилах лошадей повисло уже, по меньшей мере, полдюжины людей, как опомнившихся от неожиданности слуг герцога, так

и поляков, служивших, по всей видимости, молодой женщине. Герцог бросил поводья и подбежал к неподвижно лежавшему на дороге ребенку. Он подхватил на руки легкое маленькое тельце и чуть не закричал от радостного облегчения. Мальчик открыл глаза и испуганно уставился ему в лицо.

– Мне очень жаль, – виновато пробормотал он.

– Да ты просто в рубашке родился! – прошептал герцог, от пережитого испуга за ребенка неосознанно порывисто прижимая его к себе.

От волнения он не сразу заметил, что заговорил по-итальянски.

– О! Я даже не знаю, как благодарить вас, сеньор! – раздался за его спиной взволнованный женский голос, прерывистый и такой невыразимо ему знакомый. В довершение ко всему, изумленный герцог вдруг осознал, что женщина тоже говорила с ним по-итальянски.

– Не стоит благодарностей, сеньора, – сказал он, оборачиваясь к молодой женщине в темном плаще, матери малыша. – Но, бога ради, скажите мне, как вы определили, что я итальянец?

От поспешного бега плащ молодой женщины распахнулся, и под ним оказалось сшитое по последней европейской моде платье насыщенного вишневого цвета, отделанное золотистой тесьмой и такого же цвета вышивкой на юбке и на груди. В низком вырезе лифа герцог мог видеть, как часто и порывисто вздымались, в такт ее дыханию, совершенные по форме высокие груди. Свою шляпу с вуалью молодая женщина, видимо, сбросила сразу же перед тем, как ринуться спасать своего сына. Светло-золотистые локоны из ее распавшейся прически разметались по ее плечам и спине, густыми волнами обрамляя прекрасное, бледное лицо с блестящими в синих глазах слезами – лицо девушки с портрета Контарини. Увидев ее лицо, герцог почувствовал, что его сердце сейчас выскочит из груди.

– Вы говорили с моим сыном по-итальянски, – машинально ответила Эвелина Острожская, в свою очередь, поднимая глаза на спасителя.

В тот же миг Эвелине показалось, что она лишилась рассудка. На захудалом почтовом дворе, держа на руках пятилетнего Андрея, стоял и в безмолвном удивлении смотрел на нее ее покойный муж, князь Острожский, погибший почти шесть лет тому назад в битве под Грюнвальдом. Андрей крепко сжимал своими ручонками его шею, прильнув к его груди всем своим маленьким дрожащим тельцем.

– Бог ты мой! – потрясенно вырвалось у нее. – Князь Острожский!

– Эвелина! – в свою очередь произнес он в ответ одно единственное слово.

Мальчик на руках герцога пошевелился и, упершись ладошками в его плечи, отстранился от него, и заглянул сверху вниз в его лицо.

– Вы держите меня слишком крепко, – серьезно сказал он. – Я хочу к маме.

Эвелина подхватила скользнувшего к ней в объятья Андрея, который тут же положил ей голову на плечо и уставился на герцога темными искристыми глазами, полными сдержанного любопытства.

– Это мой сын? – тихо спросил герцог Монлери.

Эвелина молча кивнула. Ком стоял у нее в горле, мешая произнести ей хотя бы единое слово.

– Ваша светлость, ну разве можно так! – подбежал к герцогу его камердинер, но, увидев Эвелину, замолчал и остановился как вкопанный, не сводя с нее удивленного взгляда.

– Эх, и выпорю я тебя, постреленок! – приблизившись к Эвелине с другой стороны, закричал Гунар, с тревогой глядя лишь на маленького князя Острожского.

В следующую минуту взгляд его упал на герцога, в тот же миг глаза его расширились от изумления, он осекся на полуслове и замер рядом с Эвелиной, не спуская с него глаз. Андрей отстранил свою головку от материнского плеча и, обхватив ее голову ладошками, развернул к себе ее лицо.

– Гунар напугался потому, что сеньор сказал, что он мой отец? – звонко уточнил он по-итальянски. – Теперь он не будет меня пороть?

Люди герцога сдержанно заулыбались.

– Андрей, говори по-польски, – поправила его Эвелина.

– Теперь тебя будет пороть отец, – буркнул Гунар.

Давая пример остальным людям Эвелины, он сорвал с головы шляпу и поклонился герцогу.

– С возвращением, ваша светлость.

– Рад тебя видеть, Гунар, – сердечно сказал герцог. – Спасибо, что все это годы ты верно служил моей семье.

– А Зигу Радзивилла не порют! – еще раз посмотрев на герцога, сказал Андрей.

Он взбрыкнулся и выскользнул из рук Эвелины на землю. Подошел, минуя неподвижно стоявших на дороге взрослых, к высокому красивому мужчине в темном походном плаще, который минуту назад сказал потрясающую вещь о том, что он его отец, и выжидательно посмотрел на него снизу вверх.

Герцог присел перед ним, прелонив колени, и таким же серьезным тоном спросил:

– А что же с ним делают, когда он шкодит?

– Сажают в погреб, – со вздохом сознался Андрей. – Или лишают пирога.

– Ты знаешь, – он секунду подумал, выражение его лица стало озабоченным. – Ты уж лучше меня выпори, хорошо? В погребе темно и скучно, да и пироги я люблю...

Эвелина с острой сердечной болью увидела такую знакомую, полузабытую ослепительную улыбку князя Острожского.

– Ваша карета готова, милостивая пани, – подбежал, кланяясь Эвелине, хозяин почтовой станции.

– Вы едете в Краков? – спросил, поднимаясь, герцог, обращаясь к Эвелине.

Она растерянно кивнула, не зная как поступить.

– Большая часть моих людей едет верхом, – сказал герцог. – Я оставлю карету и пару надежных людей на почтовой станции. Когда они получат лошадей, они перегонят ее в Краков. Я поеду с вами. Верхом. Если вы не возражаете, конечно.

– Вам нет нужды ехать верхом, – сдержанно сказала Эвелина. – В моей карете найдется место и для вас.

– Я поеду верхом, – сдержанно повторил герцог.

– Рана вашей светлости, – заикнулся было камердинер, но герцог выразительно посмотрел на него и он умолк.

– Я поеду верхом, – решительно сказал он.

Герцог только на секунду представил себе, как он будет сидеть в тесноте кареты, неминуемо касаясь при тряске на ухабах дороги тела этой восхитительно прекрасной женщины, воспоминания о которой преследовали его бессонными ночами в течение пяти лет, и сразу же осознал, что не вынесет этого. Пусть она все еще оставалась его женой, но он не имел никаких прав на нее, пока не расскажет ей правды.

– Рана? – между тем переспросила Эвелина, глядя на смешавшегося камердинера, а потом перевела взгляд на герцога. – Вы что же, ранены, князь?

– Пустяки, – заметил герцог. – Всего лишь царапина.

– Но вы повредили вашу старую рану, полученную в сражении шесть лет назад! – пренебрегая гневом герцога, возопил камердинер. – Ваша светлость, будьте же благоразумны!

– О Господи! – светлые глаза Эвелины блеснули негодованием.

– Андрей, а ну-ка быстренько ведите отца в карету, – сказала она, обращаясь к мальшу.

Андрей задрал голову и понимающе посмотрел на герцога, несколько растерянного таким поворотом дела.

– Не стоит спорить с мамой, – проникновенно сказал он, беря герцога за руку. – Себе дороже. Пойдемте, сеньор.

Герцог краем глаза успел заметить ухмылки на лицах его людей, постепенно подтянувшихся к карете и слышавших теперь каждое слово их разговора.

– Фабрицио, – приказал он перед тем, как последовать за сыном. – Проследите за тем, чтобы мою карету доставили в Краков. И скажите господину легату, что я сам найду его в городе по приезду. Поднимайте мою дичную охрану, мы отправляемся немедленно.

– Не извольте беспокоиться, ваша светлость, – сказал немолодой усатый итальянец, скрывая улыбку облегчения, увидев, как обернулось дело.

Уже усаживаясь в карету, Эвелина услышала обрывок странного разговора, который велся на итальянском языке.

– Мне остается только признать, что я бы неправ, – негромко сказал одному из людей герцога усатый Фабрицио. – Его герцогиня великолепна! Недаром он помнил ее все это время лучше, чем свое собственное имя. Поначалу он был так плох, что донна Лусия опасалась за его рассудок.

– Все, слава богу, кончилось, и благополучно, – отвечал тот. – Сеньора будет самой прекрасной женщиной при дворе. А пятилетний сын, готовый наследник, это, считай, почти дар Божий для герцога в его положении. Донна Лусия будет в восторге!

Эвелина ничего не поняла, но глубоко задумалась, осознав, что совсем ничего не знает о жизни князя за эти минувшие шесть лет его жизни.

Все время с тех пор, как они сели в карету, Эвелину снова и снова преследовало странное впечатление нереальности происходящего, которое она старательно отгоняла от себя. Разглядывая Острожского в полутьме кареты из-под полуопущенных ресниц, она пыталась собраться с мыслями и определить, что же так беспокоит ее. Никаких сомнений в том, что перед ней очутился чудесным образом воскресший князь Острожский, у нее не было. Без всяких скидок на время и возраст, это определенно был князь. Он, несомненно, выглядел старше, черты его лица затвердели, стали четкими и жесткими. Густые волнистые волосы по-прежнему достигали лишь ворота камзола и были, по обыкновению, тщательно расчесаны и уложены. В полутьме кареты они казались ей более темными, чем она помнила, отчего лицо князя приобрело некую новую, незнакомую ей прежде изысканность и определенность европейского рыцаря.

Андрей свернулся клубочком, как котенок, на коленях герцога, и вскоре уже счастливо посапывал, подложив под щеку ладошку. Герцог, в свою очередь, внимательно наблюдал за Эвелиной, стараясь угадать ход ее мыслей по ее подвижному лицу.

– Зачем вы едете в Краков? – неожиданно спросил он, застав ее врасплох.

– В Краков? – рассеянно повторила за ним она. – Ну, конечно же, по приказу короля. Не знаю уж, что у них там в Вавеле произошло, но король Владислав не поленился послать в Остроленку самого пана Збигнева Олесницкого, своего личного секретаря. Надеюсь, вы помните Збышко?

Герцог отрицательно покачал головой.

– Увы, нет, моя дорогая.

Эвелина внезапно вспомнила разговор людей герцога у кареты и, с пробежавшим по спине холодком, взглянула в лицо Острожского:

– Вы, что же, в одночасье лишились памяти, князь?

– А что же иное могло так долго держать меня вдали от вас? – голос герцога был тих и мягок, но Эвелина задрожала от дурного предчувствия.

– Шесть лет! – с горечью произнесла она. – Где вы были эти шесть лет, князь? Я уже похоронила и оплакала вас.

Герцог вздохнул и осторожно вытянул вперед затекшие ноги, устраиваясь поудобнее. Эвелина мельком заметила, что на нем, против обыкновения, были высокие, жесткие, европейского покроя, светло-коричневые сапоги со шпорами.

– Все это время я прожил в Италии, – помолчав, отвечал он. – Меня доставили в Венецию пять лет назад бесчувственным полутрупом с бумагами на имя европейского рыцаря.

Эвелина в изумлении уставилась на него своими большими серо-голубыми глазами, в которых застыли недоумение и вопрос:

– Но вы-то знали, кто вы такой?

Не отводя взора от ее лица, герцог молча покачал головой.

– Все эти шесть лет я был уверен, что я итальянец, – снова помедлив, сказал он.

Эвелина растерянно смотрела на него. Его спокойствие, непроницаемое выражение лица и какой-то новый, незнакомый оттенок его поведения, взгляд его глаз вызывали у нее ощущение, словно она находилась в медленно разворачивающемся кошмаре плохого сна. В полутьме кареты она не могла как следует рассмотреть выражение его глаз.

– Но... Но..., – не находила правильных слов она. – Но вы же вспомнили, что вы князь Острожский!

По красивому лицу герцога прошла тень.

Он взглянул на Эвелину, и в его глазах промелькнуло какое-то непонятное ей чувство, то ли жалость, то ли сожаление.

– Не хочу вас разочаровывать, Эвелина, – медленно сказал он, впервые называя ее по имени и словно пробуя на вкус его звучание, – но о том, что я князь Острожский, я узнал от вашего кузена, сеньора Бартоломео Контарини.

– Бартоломео! – вскричала Эвелина со смешанным чувством радости и разочарования. – Как он поживает? Где вы виделись с ним? В Венеции?

– Да, разумеется, – бесстрастным тоном подтвердил герцог, удивляясь внезапно вспыхнувшей в его душе ревности. – На похоронах старого графа Контарини. После того, как его кузен, с которым вы, как оказалось, тоже знакомы, молодой граф Энрике, нашел и показал мне портрет вашей бабки.

Эвелина поспешно наклонила голову, чтобы герцог не смог увидеть выражение ее лица, на котором на секунду отразилось чувство глубокого разочарования, которое хлынуло ей в душу. Конечно же, портрет! Если он действительно потерял память в результате ранения, и вспомнил ее только после того, как увидел портрет, значит, он не помнит ничего из того, что произошло с ней в Мальборке. Он вспомнил только то, что она была его женой. Или, точнее, скорее всего, ее назвали ему его женой.

– Значит, вы не помнили и меня, – прошептала она, не в силах сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы. – Вас, как и всех остальных, привлек портрет...

Она вздрогнула, так как после ее слов, произнесенных полупрошепотом, герцог внезапно наклонился к ней, и в полутьме кареты блеснули его темные искристые глаза.

– Вы ошибаетесь, Эвелина, – несмотря на мягкость его голоса, в нем прозвучала сталь. – Я не помнил ни имени князя Острожского, ни вашего имени, но ваш образ преследовал меня во сне и наяву в течение всех этих шести лет. Он стал для меня навязчивым кошмаром. Я прочесал все побережье Италии и Южной Франции, пытаюсь отыскать девушку из моих снов.

Он снова откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

– Девушку, которую я любил, – тихо добавил он.

– Кто же вы такой? – шепотом переспросила Эвелина, не отрывая глаз от его бледного лица с закрытыми глазами.

– Я был князем Острожским, – герцог открыл глаза и посмотрел на нее. – Я вернулся в Польшу, чтобы узнать, что же произошло со мной и с ним. Я вернулся, чтобы вспомнить. Вспомнить все. И, прежде всего, я вернулся за вами, Эвелина.

Эвелина отвела в сторону взгляд. Все было еще хуже, чем она могла предполагать. Она бы предпочла прежнего князя Острожского, пусть даже доводившего ее до иступления своим нелепым желанием жениться на узнице комтура Валленрода, но сохранившего память, знания и опыт, приобретенные его находением при трех польских королевских дворах.

– Боюсь, вам придется столкнуться с целой кучей неприятных вещей, – сказала она безжизненным голосом, тщательно пытаясь контролировать панику, поднимавшуюся в ее душе.

– Надеюсь, вы не вышли замуж вторично? – сразу же быстро спросил герцог.

– Нет!

Эвелина вскинула на него глаза, удивленная его неожиданным вопросом, и сухо пояснила:

– Я, знаете ли, верила, что вы живы. В конце концов, на поле Грюнвальда так и не удалось найти и опознать ваш труп.

Она содрогнулась, вспомнив то кошмарное утро после битвы, когда она, утопая по колено в чавкающей земле, пропитанной кровью, в полубессознательном состоянии бродила по полю, пытаясь отыскать его тело среди тысячи трупов друзей и врагов.

– Тогда еще не все потеряно.

Он смотрел на нее, не отводя взгляда, в темных искристых глазах плескалась затаенная надежда, нежность и боль.

– Мне будет достаточно, если я вспомню хотя бы то, что касалось меня и вас. Даже если я не сумею вспомнить всего, но получу вашу любовь и ваше согласие вернуться со мной в Венецию, я буду счастлив.

Эвелина тряхнула головой, словно пытаясь освободиться от наваждения, вызванного его словами.

– Вернуться в Венецию? – переспросила она. – Вы что же, не понимаете, князь, кто вы такой? Вы же племянник польского короля Владислава Второго Ягелло, герой Грюнвальда, блестящий дипломат. Вы с успехом участвовали во всех переговорах польского и литовского двора с государствами Европы за последние перед Грюнвальдом пять лет. Вы также приходите племянником могущественному великому князю Витовту, некоронованному владыке Литвы, и состоите в родстве со всеми польскими и мазовецкими Пястами. Вы думаете, вас отпустят в Венецию?! Вы ошибаетесь!

Герцог выслушал ее, не перебивая, в полном молчании.

– Мазовецкие Пясты? – нахмутив брови, медленно повторил за ней он.

– Бьюсь об заклад, что все ваши королевские родственники уже в Вавеле, – сказала Эвелина, устало откидываясь на спинку сиденья. – Сейчас я даже готова поверить, что Ягайло срочно призвал нас с Андреем в Краков именно из-за вас.

Герцог внимательно посмотрел на нее.

– Готовы ли вы присягнуть, Эвелина, что я – князь Острожский? – в полутьме кареты неожиданно мягко прозвучал его голос.

Эвелина в изумлении распахнула глаза, и тут же встретила с испытывающим взглядом темных глаз герцога.

– Да! – помедлив, уверенно сказала она. – Если вы не призрак с того света, то я готова присягнуть на Библии, что вы – князь Острожский.

– Вы видите меня после длительного перерыва и всего лишь час, – заметил герцог, осторожно подбирая слова. – Я потерял память, и не могу вспомнить даже подробностей тех отношений, которые связывали нас. Как вы можете быть так уверены?

Эвелина внимательно, с совершенно новым чувством уважения взглянула ему в лицо, увидела, что он в напряжении ожидает ее ответа и тихо сказала, глядя прямо в его темные, искрящиеся от волнения глаза:

– Я была очень хорошо и долго знакома с вами до нашей свадьбы, князь. Я помню вас как женщина и как жена. Ваши глаза, руки, манера держать себя, ваши жесты, оттенки вашего голоса, выражения лица говорят сами за себя. Даже если у вас есть брат-близнец, то я готова присягнуть, что моим мужем были вы, а не он.

Герцог помолчал, раздумывая над ее словами.

Потом порывисто взял ее руку и поднес ее к своим губам.

– Помогите мне вспомнить, Эвелина, – серьезно попросил он, отрываясь от ее руки, но не выпуская ее из своих рук.

Его темные глаза блеснули отчаянием.

– Я уже вспомнил многое, пожалуй, слишком многое, ... но воспоминания не хотят связываться воедино, пока это лишь беспорядочные, хаотические всплески моей жизни...

Побледнев, Эвелина закусила губу и посмотрела ему в лицо. На секунду, безумная надежда вспыхнула в ее душе. Возможно, рано или поздно, он вспомнит все, но хочет ли она этого? Она внезапно рассердилась на саму себя. Она сама не знает, чего хочет. Даже если князь временно лишился памяти, он же не лишился мозгов! Даже сейчас, когда он, возможно, потерял память, князь Острожский слишком опасный человек, чтобы пытаться играть с ним в игры. Она не сумела оценить его по достоинству много лет назад и проиграла. Теперь она должна быть осторожна.

– Вы помните те отношения, которые существовали между нами? – едва слышно, одними губами, спросила она.

– Да.

Красивое лицо герцога не дрогнуло, когда он безжалостно добавил:

– За несколько лет брака мы спали вместе всего несколько раз. Я хотел бы вспомнить, каким именно шантажом мне удалось жениться на вас.

– Вам лучше этого не вспоминать, – прошептала она.

Герцог почувствовал, как дрогнули в его руке пальцы Эвелины.

– В любом случае, я благодарен вам за сына, – бесстрастно досказал он. – Хотя не могу сказать, чтобы меня устраивали сложившиеся обстоятельства моей личной жизни. Это вовсе не означает, – добавил он, увидев, как расширились от страха глаза молодой женщины, – что я намерен категорически настаивать на своих супружеских правах.

– Благодарю вас.

В голосе Эвелины послышалось облегчение.

Герцог со смутным неудовольствием увидел, что от его слов ее напряжение несколько ослабло.

– Если за время моего отсутствия вам удалось определенным образом устроить свою жизнь и найти человека..., – начал говорить он, пристально наблюдая за ее реакцией на свои слова.

– Благодарю вас, нет! – быстро перебила его Эвелина. – Я не могу сказать, что я испытывала к вам пламенную страсть, когда выходила за вас замуж, – она опустила глаза под внимательным взглядом герцога, – но меня устраивал этот брак.

– Устроит ли он вас теперь? – спросил герцог, с болью сердечной решая выяснить этот вопрос до конца. – Или вам было бы предпочтительнее считать меня мертвым? Я не хочу вам угрожать, Эвелина, но рано или поздно, я начну требовать от вас той близости, которая бывает между мужем и женой. Даже будь вы не настолько красивы, я бы стал говорить об этом. Один сын, по нынешним временам, слишком слабая надежда на продолжение рода.

– Близость и любовь – разные вещи, – бесцветным голосом сказала Эвелина, не поднимая головы. – Если вы потребуете от меня только близости и детей, то наш брак вполне меня устроит.

– А ваша любовь принадлежит Господу нашему, надо полагать? – изогнув бровь, резче, чем намеревался, спросил герцог, не в силах сдержать своего разочарования.

– Да! – Эвелина настороженно и холодно смотрела на него. – Но можете быть уверены, я никогда не изменяла и не собиралась изменять вам как жена.

– Отрадно слышать, – пробормотал герцог в задумчивости.

Откинувшись на спинку сиденья кареты, он прикрыл глаза и надолго замолчал, раздумывая над только что состоявшимся странным разговором со своей женой. Интуиция, необычайно сильно развившаяся у него за последние пять лет в качестве компенсации за потерю памяти, подсказывала ему, что спокойно сидевшая рядом с ним прекрасная молодая женщина пребывала в состоянии, близком к панике. Он буквально чувствовал флюиды страха, недоверия, перемешанные со странным чувством какого-то облегчения, исходившие от нее. Он никак не мог понять, почему она так настороженно отнеслась к его словам о потере памяти. Это была именно настороженность, не чувство изумления или недоверия, какие его сообщение о потере памяти вызвали, например, у Карла или у Дитгейма. Он мог твердо сказать, что Эвелина его узнала, она открыто сказала ему об этом, и что она ему поверила; то, что он не мог понять и объяснить, было то, почему она его опасалась. Сколько он не исследовал все еще темные закоулки своей памяти, он не мог вспомнить ни одного эпизода, когда бы он причинил ей вред или обидел ее. Все, что он помнил и чувствовал, была всепоглощающая и всепрощающая страсть к этой женщине, которая стала частью его собственной души. Она же, прекрасная Эвелина Острожская, его жена, точно такая же, какой он помнил ее в своих снах и видел в воспоминаниях, казалась, не испытывала абсолютно никаких чувств и никакой радости от его возвращения и была совсем безразлична к нему. Даже более, за ее внешней вежливостью он чувствовал хорошо скрытый страх, в то время, как его сердце стремилось к ней, и он с трудом подавлял желание схватить ее в объятия, прижать к своей груди и осыпать поцелуями. В первый момент он не сделал этого только потому, что в ее глазах и в ее поведении явно сквозила растерянность и нежелание того, чтобы он к ней прикасался. Теперь, после непродолжительного общения, сидя рядом с ней в тесноте кареты и ощущая тепло ее тела рядом с собой, время от времени непреднамеренно касаясь края ее одежды, он чувствовал, что она еще больше старается отдалиться от него; и ему даже в голову не приходило обнять или поцеловать ее – так старательно и искусно она возвела неприступные бастионы сдержанности между самой собой и своим мужем.

Погруженные в молчание, через несколько часов они въехали в Краков.

Город Краков, столица польского королевства, расположился на левом берегу реки Вислы, в том месте, где быстрая и полноводная река становилась судоходной. Основанный, по народной легенде, в IX веке славянским князем Краком, маленький городок, быстро развивающийся благодаря своему выгодному месторасположению, очень скоро стал желанной добычей для стремительно набирающих силу русских галицких князей, наследников Мстислава Великого, и польских князей из династии Пястов. После погрома, учиненного монголо-татарами во время печально известного набега в 1241 году и ослабления могущества некоронованного владыки Червонной Руси князя Даниила Галицкого, новый краковский князь Болеслав Стыдливый забрал, наконец, эти земли себе и начал застройку выморочного города, опираясь на магдебургское право. Во второй половине XIII века он учредил современный план города, с огромным для того времени и крупнейшим в Европе рыночным центром и сетью расположенных вокруг него в шахматном порядке улиц.

Коронация первого Польского короля из династии Пястов Владислава Локетка в 1320 году в Вавельском соборе Кракова окончательно определила судьбу города Кракова – с того времени он становится официальной столицей польских Пястов. Учреждение университета и библиотеки знаменовало открытую ориентацию Польских Пястов на западноевропейскую культуру, привнесенную в Польшу наследниками Анжуйской династии, королем Венгрии и

Польшу Людовиком (Лайошем) Великим и особенно его дочерью, молодой польской королевой Ядвигой. Супруг Ядвиги, в прошлом великий литовский князь Ягайло Ольгердович, получивший в 1385 году в результате Кревской унии руку молодой королевы и корону Польши под именем Владислава Ягелло, развернул широкомасштабное строительство Кракова в готическом стиле, воздвиг новый кафедральный собор и королевский замок, поражающий своим величием. В городе была построена новая ратуша, суконные ряды, университетское здание и множество частных домов, принадлежавших знати и зажиточным горожанам. Будучи рачительным хозяином, польский король продолжил начатое его предшественниками сооружение крепких городских стен, украшенных мощными сторожевыми башнями. Хорошо защищенный, гарантирующий защиту торговли и покровительствующий культуре, Краков начала пятнадцатого века был уже необыкновенно привлекательным европейским городом.

Раздумывая над тем, почему узкие улочки Краковского предместья кажутся ему такими знакомыми, герцог с интересом рассматривал оживленные кварталы города.

– У меня в Кракове дом? – спросил он, оборачиваясь к жене.

– Да, – односложно ответила Эвелина, размышляя о том, какой из двух домов в Кракове, которыми владели супруги Острожские, ей выбрать для того, чтобы остановиться. Первоначально, вместе с Андреем, она собиралась отправиться в дом, оставленный ей в наследство скончавшимся год назад отцом, воеводой Ставским. Но сейчас, когда вместе с ними был князь, она полагала, что было бы более разумным остановиться в доме на Подоле, принадлежавшем князю Острожскому и находившемуся недалеко от Вавеля.

Видимо, Гунар пришел к такому же заключению, потому что Эвелина заметила, что карета, прогрохотав по булыжным мостовым предместья, свернула в сторону городского центра.

– Наверное, я все-таки действительно провел достаточно долгое время в Кракове, – задумчиво сказал герцог, продолжая созерцать оживленные улицы со сновавшим по мостовым народом и величественным зданием собора и королевского дворца, показавшегося впереди.

– Вавель! – ткнул пальцем в окошко Андрей, с улыбкой оборачиваясь к отцу.

– И королевский дворец, – подтвердил герцог, не думая, поглощенный своими мыслями.

На шпилях Вавеля, кроме королевского знамени Польши, трепетали еще несколько флажков с гербами королевств, представители которых находились в Кракове по государственным делам.

– Чей это флаг? – Андрей снова ткнул пальцем в окошко, указывая на белое знамя со скакавшим на нем красным всадником.

Эвелина открыла было рот, чтобы ответить, но герцог опередил ее. Прижимая к себе хрупкое тельце Андрея, уоторому грозило вывалиться из окна кареты в стремлении рассмотреть развивающиеся на ветру флаги, он, снова не задумываясь над ответом, сказал очевидное:

– Это знамя Литвы, Андрей. Как можно не узнать Погони? Наверное, великий князь Витовт гостит у своего брата в Кракове.

– Значит, вы помните! – не удержалась от восклицания Эвелина.

Герцог с сомнением покачал головой.

– Я бы не стал возлагать на подобные воспоминания больших надежд, – скупно сказал он. – Мой двойник, герцог Монлери провел в Пруссии почти пятнадцать лет. Участвовал в сражении под Грюнвальдом. Я уверен, что, как герцог Монлери, я был вполне в состоянии запомнить многие гербы польского и литовского рыцарства, тем более королевские гербы. Вполне вероятно, что я встречался и с самим великим литовским князем. Это ведь его флажок на башне?

– Я бы не стала ставить на то, что великий князь запомнил вас как герцога Монлери! – чуть резче, чем намеревалась, заметила Эвелина.

Герцог промолчал. Усадив Андрея на колени, он, казалось, потерял интерес к происходящему на улицах Кракова и углубился в пространную беседу о методах воспитания Зиги

Радзивилла. Эвелина исподтишка наблюдала за выражением его лица, пытаясь справиться с ощущением того, что она совершает ошибку. Возможно, она не должна была так открыто демонстрировать ему свою неприязнь, ведь он все-таки был ее мужем... Мужем! Она вздрогнула, вспомнив его замечание о том, что рано или поздно он намеревался потребовать от нее той близости, которая существует между мужем и женой. Она до сих пор очень хорошо помнила ту помесь брезгливого ужаса и порочного желания, которую она некогда испытала в его объятиях в замке. Она также хорошо помнила, как изменились ее чувства к нему после замужества, и что накануне Грюнвальда она была уже почти влюблена в своего красивого мужа, который с момента свадьбы не коснулся ее и пальцем. Или? Существовал еще тот странный чувственный сон, в котором она наслаждалась его близостью, сон, который она видела во время болезни, свалившей ее в Остроленке. Был ли это действительно сон? Во всяком случае, с насмешкой подумала она, только этот сон объяснял рождение Андрея. Сейчас она наблюдала за сменой выражений на лице воскресшего мужа и не понимала того, что с ней творилось. Когда он смотрел на нее или разговаривал с ней, ей хотелось как можно скорее избавиться от его внимания. Когда его внимание было обращено к Андрею, она с болезненным любопытством рассматривала его, снова и снова удивляясь его редкой изысканной красоте и факту того, что сейчас, много лет спустя после того, как она, казалось, навсегда избавилась от него, он воскрес, словно Феникс из пепла, и снова вмешался в ее жизнь. Сколько она не раздумывала над тем, зачем он сделал это, она не могла найти подходящего объяснения. Может быть, он действительно потерял память? Если это так, то, возможно, им удастся договориться и придти к определенному компромиссу? Возможно, он ожидал от нее совершенно другого приема, в то время как она, помня прежнего решительного и бескомпромиссного князя Острожского, была слишком резка с ним, бедным европейским рыцарем, страдавшим от потери памяти. Она снова быстро взглянула на него из-под полуопущенных ресниц. Князь действительно казался расстроенным и разочарованным, несмотря на бодрый тон, каким он разговаривал с сыном. Эвелина с досады прикусила губу, проклиная свою вспыльчивость. Подчиняясь мгновенному порыву, пришедшему ей в голову, она велела Гунару остановить карету.

Прервав разговор с Андреем, герцог выглянул в окно.

– В чем дело, Гунар, – удивленно спросил он, – если я не ошибаюсь, мы не доехали до моего дома целых два квартала.

Гунар и Эвелина переглянулись.

– И не смотрите на меня с такой надеждой, Эвелина, – не удержавшись, сказал герцог, оборачиваясь к жене. – Я же говорил вам, что достаточно долгое время прожил в Литве.

– Не думаю, что, как герцог Монлери, вы жили в Кракове в доме князя Острожского, – подчеркнуто кротко возразила ему Эвелина, и тут же пожалела о своих словах.

– Как бы то ни было, – герцог в расстройстве поднес руку к виску, словно у него заболела голова, – нам пора бы уже и приехать. Андрей устал, да и я тоже.

Эвелина смотрела на его сильную гибкую кисть с длинными пальцами, которые, против польской моды, не были унизаны многочисленными кольцами и печатками, и видела только одно единственное кольцо с голубым сапфиром. Кольцо, такое до боли знакомое, образ которого еще долгое время после Грюнвальда преследовал ее в кошмарных снах, в которых она снова и снова пыталась отыскать его тело на поле боя, выбрав в качестве опознавательного знака это кольцо.

И она не выдержала.

– Я помню это ваше кольцо, – внезапно решившись, сказала она. – Вы никогда не расставались с ним. На его внутренней стороне герб королевы Ядвиги.

Темные глаза герцога неожиданно блеснули открытой неприязнью.

– Откуда вы это взяли? – почти враждебно спросил он.

Эвелина протянула руку и коснулась его ладони.

– Позвольте?

Не дожидаясь разрешения герцога, которого словно обожгло легкое прикосновение к его руке ее пальцев, она с усилием высвободила с его безымянного пальца кольцо и, мельком взглянув на его внутреннюю поверхность, вскрикнула:

– Я же говорила вам! Это герб королевы!

С трудом оторвавшись от созерцания ее бледного прекрасного лица, озарившегося улыбкой радости, герцог взглянул на кольцо.

– Это всего лишь герб дома Анжу, – сказал он, наблюдая за выражением ее лица. – Хотя... вы правы, польская королева Ядвига была дочерью Людовика Анжуйского и носила его герб.

– Вы всегда избегали говорить об этом кольце, – медленно проговорила Эвелина. – Разве это не кольцо королевы?

– О нет! – герцог даже рассмеялся от подобного предположения. – Это кольцо моего отца. Он, насколько я помню, приходился сводным братом Людовику Анжуйскому, королю Венгрии и Польши. Следовательно, польская королева была мне теткой.

Теперь уже Эвелина беспомощным жестом поднесла руку ко лбу.

– Это просто кошмар какой-то, – расстроено сказала она. – Вы, кажется, поставили себе целью убедить меня в том, что вы – не князь Острожский.

– Эвелина, – мягко сказал герцог, наклоняясь к ней. – Я тот человек, который был князем Острожским. Я вернул. Не беспокойтесь, все будет хорошо.

Совсем рядом с собой Эвелина увидела его лицо, успев отметить длинные темные, как у девушки, ресницы, скрывавшие от нее его темные глаза. В тот же миг карету сильно встряхнуло на выбоине мостовой и от этого движения Эвелина, не удержавшись, чуть не упала ему на колени. Он заботливо придержал ее за локоть, она почувствовала на своей руке тепло обхватившей ее ладони, которое непостижимым образом вдруг словно обожгло ее, заставив вспыхнуть румянцем ее щеки. Она произвольным движением отодвинулась от него, на секунду ей показалось, что его губы искривились в насмешливой улыбке, но уже в следующую минуту она увидела в его глазах неосознанное раздражение и высокомерие, которое она никогда не замечала прежде в его взорах, обращенных к ней.

– Простите меня, Острожский! – в ту же секунду быстро сказала она. – Я все еще никак не могу привыкнуть к мысли о том, что это именно вы едете со мной в карете и мы в Кракове. Я не хотела вас обидеть, я просто приучила себя не принимать помощь и знаки внимания от других мужчин. И, пожалуйста, не смотрите на меня взглядом Андрея, которого я лишила сладкого за обедом.

Андрей весело рассмеялся.

– Не волнуйся, папа, я не ем сладкого, она шутит. Надеюсь, ты ее не боишься? А то Марженка как-то раз сказала мне, что слышала, как ее отец, пан Доманский, беседуя с другим паном на королевском приеме сказал, что мама такая невероятно красивая женщина, что он ее просто боится!

Герцогу показалось, что в светлых глазах Эвелины засветились насмешливые огоньки. Скорее всего, это было отражение света факела в руках Гунара, стоявшего возле кареты и смотревшего на них через открытую им дверцу.

Андрей выскочил из кареты первым, и, радуясь возможности размять затекшие ноги, побежал к дому, как заяц. Выйдя вслед за ним, герцог остановился возле ступеней и предложил Эвелине опереться на его руку. Без всяких возражений вложив в его руку свою затянутую в перчатку ладонь, она вслед за ним вышла из кареты. На секунду он ощутил беглую тяжесть ее тела, почувствовал запах ее волос, когда она, остановившись рядом с ним, откинула с головы капюшон плаща.

– Посмотрите, сколько звезд! – не удержалась от восклицания она.

Герцог поднял глаза к небу. Прямо над их головами было темное высокое северное небо с далекими холодными мелкими звездами. Оно было так непохожее на бархатное небо Италии с мохнатыми крупными бутонами звезд, что у него невольно вырвался тихий вопрос:

– Вы помните небо Италии, Эвелина?

– Не совсем, – с тихим смешком ответила ему Эвелина. – За те два года, которые я прожила в Италии, у меня не было времени смотреть на небо. Ваши трубадуры были слишком навязчивы, а мои кузены слишком быстро хватались за шпаги. Чтобы предотвращать кровопролитие, мне приходилось рано ложиться спать.

В темноте июльской ночи Эвелина увидела прежнюю ослепительную белозубую улыбку, озарившую лицо герцога, и внезапно почувствовала, как сильнее застучало ее сердце.

Глава 5.

Краков, Польша, август 1416 г

Люди герцога прибыли в Краков наутро следующего дня. Обширный старинный особняк на Шляхетской улице был огромен и вместителен, в конюшнях могло поместиться такое количество лошадей, которых хватило бы на то, чтобы собрать рыцарский отряд для штурма Вавеля. Более того, с женой, свободно говорившей по-немецки и по-итальянски, герцог не имел никаких проблем с размещением и устройством своих людей.

– Всего чуть больше сотни человек, девочка, – доложил Эвелине вечером того же дня невозмутимый Гунар. – Большинство из них итальянцы и испанцы. Все – профессиональные наемники, очень жестко дисциплинированные. Ни один из них не вышел этой ночью в город.

Эвелина взволнованно ходила по гостиной. Она провела бессонную ночь, размышляя о том, какие последствия будет иметь для нее неожиданное воскресение ее мужа.

– Тебя что-то беспокоит, девочка? – осмелился спросить ее Гунар.

– О Гунар! – с укором сказала Эвелина. – Ты же знаешь, что меня беспокоит! У меня плохое предчувствие. Добром все это не кончится, помяни мое слово.

– Он вспомнит, девочка. Он обязательно все вспомнит! – убежденно сказал старый литвин, который был ее бессменным воспитателем после того, как умерла ее мать.

– У него не так много времени! – с досадой вскричала Эвелина. – Если он не вспомнил все в течение этих шести лет, как я могу быть уверена, что он вспомнит сейчас! Через день в дверь начнут ломиться гости, знакомые, последует приглашение в Вавель! Что я буду с ним делать? Если он сам не уверен, что он – князь Острожский! Что, если он не узнает короля?

– Он вспомнит, – терпеливо повторил литвин. – Мы оба знаем, что он – князь Острожский. И если он не вспомнит короля, ему хватит ума не показать ему этого.

– Он не выживет при польском дворе, если к нему не вернется его память! – вспыхнула Эвелина. – У него было столько друзей и столько врагов! Только он сам может знать, как он обращался и с теми, и с другими. Без его умений, его знаний всех этих многочисленных славянских и европейских дворов мы погибнем. Король или пан Тенчинский доберется до меня, и я даже не знаю, что случится после этого с ним и с моим сыном! Как жаль, что я не в состоянии одолжить ему свою память!

Гунар предпринял еще одну попытку успокоить ее. Он положил ей руку на плечо, другой рукой отвел с ее лица упавшие волосы и тихо, проникновенно сказал:

– Возьми себя в руки, девочка. Положись на волю Божию.

Эвелина несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь.

– Пожалуй, это единственное, что я могу сейчас сделать, – в ее голосе прозвучало тихое отчаянье.

Словно подчиняясь неведомому побуждению, Гунар поднял глаза и увидел стоящего на ступенях лестницы, ведущей со второго этажа в холл, князя Острожского, его бледное напряженное лицо, стиснутые челюсти и крепко сжатые губы. Молодой князь почувствовал его взгляд, взмахнул темными ресницами, и Гунар заметил просквозившее в его темных искристых глазах несвойственное всегда самоуверенному и решительному поляку выражение растерянности. В следующую минуту, к вящему изумлению Гунара, Острожский покачнулся и вынужден был схватиться рукой за перила лестницы, чтобы не упасть. Князь находился в нескольких метрах от Гунара, и старик с еще большим изумлением увидел, что на его бледном высоком лбу выступила испарина. Гунар уже открыл было рот, чтобы позвать Эвелину, но взгляд князя неожиданно стал осмысленным, в нем ясно читалось предостережение. Гунар закрыл рот, покачал головой, и ничего не сказал. Молодой человек повернулся и, бесшумно ступая, стал подниматься вверх по лестнице.

Герцог чувствовал, что он едва держится на ногах. Перед его глазами мелькали, сменяя друг друга, картины битв, сражений, переговоров, лица людей, зарева пожаров... Отчаяние, прозвучавшее в голосе Эвелины, потрясло его, расстроило до глубины души, почти до слез; и сквозь пелену тумана, заволакивающего, по обыкновению, часть его памяти, внезапно стали проступать и шевелиться мохнатые тени воспоминаний, неясные, неопределенные и бесформенные, но уже пробудившиеся к жизни и не ускользающие от него, подобно утреннему туману, как это было ранее.

Он дошел до верхней гостиной, чувствуя подступающую к горлу тошноту и головокружение от обилия нахлынувших на него чувств и воспоминаний, со вздохом облегчения опустился в глубокое мягкое кресло и велел появившемуся в дверях мальчику-лакею принести ему вина.

Потягивая старое, выдержанное вино из монастырских подвалов, он пытался собрать появляющиеся из ниоткуда и исчезающие в никуда, подобно в калейдоскопе, образы воедино, связать их в осмысленные картины и воспоминания его прошлого, но не мог. Они скользили через его мозг, как вода сквозь пальцы, но не исчезали совсем, а спустя некоторое время, появлялись снова, уже более полные, стремительно обрастая деталями, и, как не парадоксально, даже запахами и звуками.

Герцог не помнил, как долго он находился в гостиной, полностью погруженный в свои мысли и воспоминания, он не слышал, как вошел дворецкий, чтобы зажечь свечи и растопить камин. Он очнулся только после того, как рядом с ним прошелестели юбки платья Эвелины. Он поднял голову и встретил ее обеспокоенный взгляд.

– Что с вами, князь? – спросила она, мельком взглянув на пару пустых бутылок, стоявших возле кресла.

– Этот дом, кажется, заполнен привидениями далекого прошлого, – сказал герцог, делая усилие, чтобы вернуться в повседневный мир из своих воспоминаний. – Мне кажется, у меня начинаются галлюцинации.

– Это хороший знак, – заметила Эвелина, внимательно глядя на него. – Если, конечно, ваши галлюцинации и привидения не являются результатом поглощения алкоголя.

Герцог усмехнулся.

– Ваш муж не пил?

– Почему вы говорите о себе в третьем лице и прошедшем времени? – удивилась Эвелина.

– Потому что совершенно сбит с толку, – отозвался герцог, отставляя в сторону бокал с вином. – Что-то словно сдвинулось в моем сознании с того момента, как я снова увидел вас и Андрея. Какие-то смутные воспоминания, обрывки снов... совершенно другая жизнь по сравнению с той, что я вел последние шесть лет в Венеции, такая пугающе знакомая и незнакомая... Мне очень жаль, что мое появление в Кракове создаст вам столько проблем.

– Вы шутите! – вскричала Эвелина, порывисто вставая из кресла, в которое она только что опустилась. – Ваше появление может неизмеримо облегчить мою жизнь. Если же к вам,

спустя время, вернется память и все остальные таланты князя Острожского, мне просто нечего будет желать!

Откинувшись в кресле, протянув к камину длинные ноги, уже обутые по старинной привычке князя Острожского в мягкие литовские сапоги, герцог задумчиво смотрел на огонь. С последними словами Эвелины он устремил на нее взгляд своих темных непроницаемых глаз и серьезно сказал:

– Тогда садитесь со мною к огню, дорогая, и начните рассказывать мне с начала и до конца все то, что вы обо мне знаете.

Поплотнее запахнув свой темно-голубой, плотного шелка ночной халат, из-под которого виднелись кружева ночной рубашки, который она впопыхах накинула на себя, когда ей сообщили, что герцог, кажется, уснул в гостиной, Эвелина послушно уселась в кресло с другой стороны камина. Немного помедлив, она быстро взглянула из-под ресниц в сторону герцога.

– Вы что же, совсем ничего не помните? – глухо спросила она.

Герцог неопределенно покачал головой.

– Мои воспоминания, – медленно, тщательно подбирая слова, заговорил он, – несколько беспокоят меня. Я помню турнир, зеленое поле, развивающееся на ветру флажки с гербами, рыцарей в белых, с крестами, плащах, затем – ваше лицо, прекрасное и печальное, ваши волосы, распущенные по плечам под газовым покрывалом с серебряным обручем, ветер играет выбившимся из-под покрывала прядями. Вы кладете мне на голову корону победителя турнира.

Похолодев от ужаса, Эвелина безмолвно смотрела на него, не в силах сказать ни слова. Она была так напугана, что даже не замечала, что герцог внимательно наблюдает за ее реакцией на свои слова.

– В этих воспоминаниях нет ничего, что напоминало бы мне Краков, – дав ей время опомниться, продолжал он. – Напротив, я пребываю в странной уверенности, что все эти события происходили в Мальборке.

Эвелина взяла с каминной полки бокал с вином и залпом выпила его. Герцог удивленно приподнял бровь, но ничего не сказал.

– Что еще вы помните? – переведя дыхание, спросила она.

– Я помню ваше платье цвета спелой вишни, – медленно заговорил герцог, не отрывая откровенного взгляда от лица Эвелины, – белое кружево рубашки под ним, ваше совершенное, безупречное тело в моих руках.... Мы были любовниками в замке, не правда ли? Но каким образом вы, полячка, оказались со мной в рыцарском замке?

– Вы меня украли! – не подумав, брякнула Эвелина, лихорадочно стараясь придумать приемлемое объяснение.

Герцог скептически поднял бровь.

– Вы помните Грюнвальд? – тут же спросила она, сочтя за лучшее перевести разговор в другое русло. – Воздушный мост короля? Помните, что вы разрешили мне принять участие в сражении?

– В самом деле? – рассеянно уронил герцог, сосредоточенный на всплывавшем в его памяти имени. – Я, должно быть, был не в своем уме, если позволил вам это!

– Жальгирис! – всплыло в памяти литовское название Грюнвальда.

Он с сомнением посмотрел на Эвелину.

– Литовцы называли это побоище битвой при Жальгирисе, не так ли?

– Постойте-ка, – он прищурил глаза, сосредоточенно глядя в одну точку, в то время как перед его мысленным взором мелькали, сменяя друг друга, картины событий и лица людей.

– Послы дядюшки Сигизмунда Венгерского сначала в Кракове, потом в Вавеле, – медленно соединяя лица и события, снова заговорил он. – Конечно же! Они ведь предлагали королевскую корону великому князю! Надо полагать, я участвовал в переговорах?

Герцог обернулся к Эвелине.

– Да, – подтвердила она. – Вы вели переговоры и в Кракове, и в Вильне.

– Что это за собор с высокими готическими окнами, из которых льется холодный свет, свет усыпальниц, со статуями в нем? – повернув в ее сторону голову, но словно не видя ее, спросил герцог.

– Это Вавель.

Эвелина на секунду прикрыла глаза: «Бог мой, что еще он вспомнил?! Надеюсь, что не была Большая Зала в замке Мальборк, когда она отказала ему в присутствии всего капитула Ордена?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.